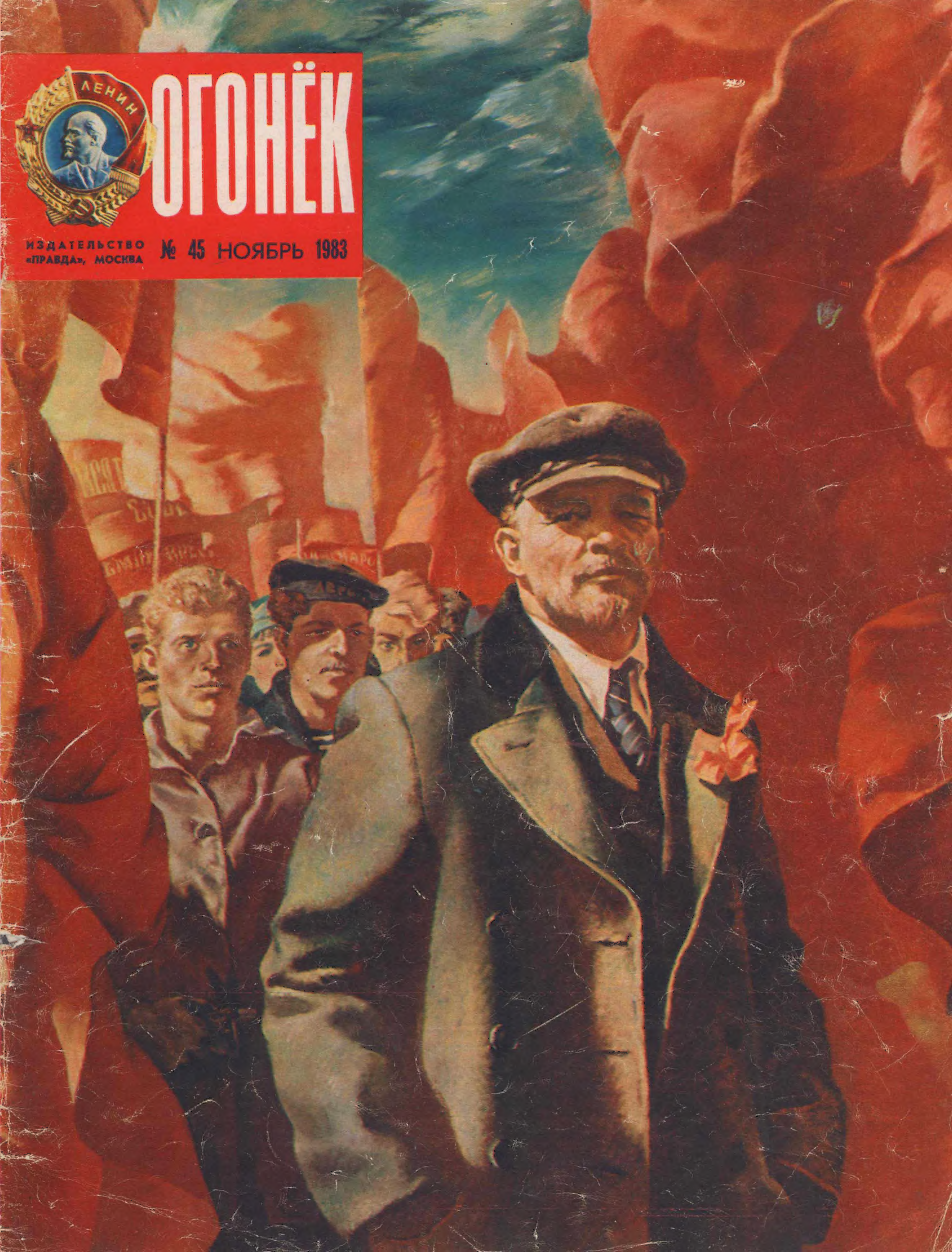

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 45 НОЯБРЬ 1983

**ДА ЗДРАВСТВУЕТ 66-я ГОДОВЩИНА
ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ!**

Это молодежь, возвращенная социализмом, озаренная светом Октября. Это ребята из отряда «КОМОС» — Коммунистического отряда студентов. Добавим: Новосибирского электротехнического института. За ними будущее?

Фото С. Юртаева

Читайте на стр. 4—5 очерк Михаила Щукина «Они строят время».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 45 (2938)

5 НОЯБРЯ 1983

© Издательство «Правда», «Огонек», 1983

В НОМЕРЕ:

Семейный альбом — не редкость в любом доме. Сегодня вы перелистаете альбом ленинградской семьи Молчановых, познакомитесь с жизнью людей интересных судеб. О них очерк Олега Петриченко — стр. 10—13.

Глубокий, ненавязчивый разговор о воспитании ведет с молодежью ветеран нашей партии **Аннакули Артыков**. См. репортаж Вячеслава Костыри «Начинайте с себя...» — стр. 9.

«Пламя за решеткой» — это рассказ о нынешних днях Южной Африки, о выдающемся борце за свободу своего народа **Нельсоне Манделе**. Автор очерка — **Николай Хохлов**, проводивший многие годы в странах Африки в качестве корреспондента «Известий», — стр. 18, 19.

Рассказ Николая Ищенко «Воскресный сход» — стр. 20—23.

НАВЕКИ ВМЕСТЕ

29 октября в Тбилиси состоялось торжественное заседание Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии и Верховного Совета Грузинской ССР с участием представителей пар-

тийных, советских, общественных организаций, трудящихся республики и воинов Советской Армии, посвященное 200-летию дружественного Георгиевского договора между Россией и Грузией.

В президиуме — делегации Москвы, Российской Федерации, других братских республик, ВЛКСМ, АН СССР, творческих союзов, знатные люди Грузии, ветераны войны и труда, передовики соревнования, почетные гости, прибывшие на торжество.

С воодушевлением избирается почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС.

Торжественное заседание открыл Председатель Президиума Верховного Совета Грузинской ССР П. Г. Гиладшвили.

Слово представляется кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю ЦК Компартии Грузии тов. Э. А. Шеварднадзе.

Он, в частности, сказал:

— Сегодня на календаре истории — памятная дата: 200-летие заключения Георгиевского договора между Россией и Грузией — великой хартии, манифеста дружбы и братства русского и грузинского народов.

Радостью наполнила сердца трудящихся республики весть о том, что Указом Президиума Верховного Совета СССР Грузинская ССР награждена орденом Ленина.

В этот торжественный день мы обращаемся прежде всего к ленинскому Центральному Комитету нашей партии, к Политбюро ЦК КПСС, к Юрию Владимировичу Андропову со словами самой искренней благодарности.

Затем выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС тов. В. В. Гришин. Он, в частности, сказал:

— В этот торжественный день мне доставляет большое удовольствие выполнить поручение товарища Ю. В. Андропова — передать руководителям, коммунистам и всем трудящимся Грузинской ССР сердечные поздравления с юбилеем и высокой наградой Родины, добрые пожелания новых больших успехов, здоровья и счастья каждой семье, всем народам Грузии.

Участники торжественного заседания с подъемом приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу Ю. В. Андропову.

На снимке: во время заседания.

Телефото ТАСС

ОРДЕН — ГОРОДУ РУССКОЙ СЛАВЫ

За успехи, достигнутые трудящимися города в хозяйственном и культурном строительстве, и активное участие в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны Новгород удостоен ордена Трудового Красного Знамени. 29 октября здесь состоялось торжественное заседание городского комитета партии и исполкома городского Совета народных депутатов совместно с представителями коллективов трудящихся, посвященное вручению высокой награды.

На заседании, тепло встреченный собравшимися, выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов.

Тов. В. В. Кузнецов огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Новгорода орденом Трудового Красного Знамени и под аплодисменты присутствующих прикрепит награду к знамени города.

Телефото ТАСС

Встреча советской партийно-правительственной делегации с советскими специалистами во время осмотра гидроузла Хоабинь — крупнейшего в Юго-Восточной Азии гидроэнергетического комплекса, сооружаемого при содействии СССР.

Телефото Э. Песова (ТАСС)

НЕРУШИМАЯ ДРУЖБА

27 октября по приглашению ЦК Коммунистической партии Вьетнама и правительства СРВ с официальным дружественным визитом прибыла партийно-правительственная делегация СССР во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиевым. В ее составе — секретарь ЦК КПСС Н. И. Рыжков, член ЦК КПСС, председатель Комитета советских женщин В. В. Терешкова, кандидат в члены ЦК КПСС, посол СССР в СРВ Б. Н. Чаплин.

В Ханое делегацию встречали член Политбюро ЦК КПВ, Председатель Совета Министров СРВ Фам Ван Донг, член Политбюро ЦК

КПВ, заместитель Председателя Совета Министров СРВ До Мыой, член Политбюро ЦК КПВ, заместитель Председателя Совета Министров СРВ Во Ван Киет, кандидат в члены Политбюро ЦК КПВ, министр иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхат, секретарь ЦК КПВ Нгуен Лам. Среди встречавших находился посол СРВ в СССР Динь Нью Лиен.

28 октября состоялась встреча партийно-правительственной делегации СССР с Генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном, членом Политбюро ЦК КПВ, Председателем Государственного совета СРВ Чыонг Тинем и членом Политбюро ЦК КПВ, Председателем Совета Министров СРВ Фам Ван Донгом.

В ходе беседы, прошедшей в теплой, дружественной обстановке, были обсуждены узловые вопросы советско-вьетнамского сотрудничества, а также актуальные проблемы современной международной обстановки.

В тот же день в обстановке сердечности и полного единства взглядов по всем обсуждавшимся вопросам состоялись переговоры между партийно-правительственной делегацией СССР, возглавляемой членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиевым, и партийно-правительственной делегацией СРВ во главе с членом Политбюро ЦК

КПВ, Председателем Совета Министров СРВ Фам Ван Донгом.

31 октября в Ханое состоялся торжественный митинг, посвященный пятилетию Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ и 66-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. На митинге в зале «Бадинь» присутствовали советская партийно-правительственная делегация, возглавляемая членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиевым, член Политбюро ЦК КПВ, Председатель Совета Министров СРВ Фам Ван Донг, другие руководители компартии и правительства Вьетнама.

В Москве в Колонном зале Дома союзов 1 ноября состоялся антивоенный митинг творческой интеллигенции столицы.

Фото А. Гостева

Шараф Рашидович РАШИДОВ

31 октября 1983 года скоропостижно скончался кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, член Президиума Верховного Совета СССР Шараф Рашидович Рашидов. Видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, он всю свою жизнь посвятил великому делу строительства коммунизма.

Шараф Рашидович Рашидов родился 6 ноября 1917 года в г. Джизаке Узбекской ССР в семье крестьянина-бедняка. Член КПСС с 1939 года. Окончил Самаркандский государственный университет и Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б). Трудовую деятельность начал в 1935 году учителем. В течение ряда лет был на журналистской работе. С августа 1941 года он находился на комсомольской и партийной работе в Советской Армии, участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками. В 1943 году после тяжелого ранения демобилизовался из Советской Армии и работал редактором самаркандской областной газеты. В 1944 году он был избран секретарем Самаркандского обкома партии. С 1947

года являлся редактором республиканской газеты «Кизил Узбекистон», впоследствии — председателем правления Союза писателей Узбекистана. С 1950 по 1959 год Ш. Р. Рашидов был Председателем Президиума Верховного Совета Узбекской ССР и по 1960 год — заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР, с 1970 года — член Президиума Верховного Совета СССР.

С марта 1959 года и до последних дней своей жизни Ш. Р. Рашидов находился на посту первого секретаря ЦК Компартии Узбе-

кистана. На XX съезде партии был избран кандидатом в члены ЦК, а на XXII—XXVI съездах — членом Центрального Комитета КПСС. С 1961 по 1966 год — кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, с апреля 1966 года — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. Ш. Р. Рашидов являлся депутатом Верховного Совета СССР III—X созывов.

На всех участках партийной, государственной и общественной деятельности Ш. Р. Рашидов проявлял беззаветную преданность делу коммунизма, волю и настойчивость в проведении политики партии. Ему были присущи чувство нового, умение творчески решать вопросы партийной и государственной жизни, спланировать и организовывать людей. Возглавляя почти четверть века республиканскую партийную организацию, он весь свой богатый жизненный опыт, организаторский талант посвятил развитию экономики и культуры республики. За эти годы в Узбекской ССР создан мощный производственный и научно-технический потенциал, получили развитие новые отрасли промышленности, крупным, механизированным стало сельское хозяйство. Узбекистан превратился в основную хлопководческую базу страны.

Шараф Рашидович Рашидов — известный советский писатель и публицист. Его перу принадлежит ряд романов, повестей, теоретических работ по актуальным проблемам литературы, интернационального воспитания и дружбы народов. Он член Союза писателей СССР.

За большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством Ш. Р. Рашидову дважды присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Он отмечен многими государственными наградами: орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета» и медалями.

Светлая память о Шарафе Рашидовиче Рашидове, верном сыне Коммунистической партии и советского народа, пламенном патриоте и интернационалисте, навсегда сохранится в сердцах советских людей.

Ю. В. Андропов, Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, В. И. Воротников, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, Т. Н. Ментешавили, Е. Айтмуратов, И. Г. Анисимкин, Ю. П. Максимов, В. К. Михайлов, М. М. Мусаханов, Т. Н. Осетров, А. У. Салимов, И. Б. Усманходжаев, Н. Д. Худайбердыев, К. Камалов, Н. М. Махмудова, У. Умаров, Р. Ашуралиев, Р. Г. Ганпов, В. П. Есин, М. Камалов, А. Каримов, А. К. Каримов, С. Мамарасулов, Х. Умаров, В. А. Хайдуков, М. Худайбергенов, Х. А. Шагазатов, Г. М. Марков, А. С. Садыков, Х. Рустамова, Н. П. Железнов, Д. Юсупов, С. А. Азимов.

взращенные социализмом

Закончилась наша обстоятельная беседа, и я закрыл блокнот, собираясь прощаться. Ребята из отряда «КОМОС» вдруг завопили: «Не будет ли это нескромным? Сами о себе рассказываем... Поговорите лучше с другими...»

Я согласился. И пошел в областной штаб ССО — студенческих строительных отрядов.

...Письма, письма. Благодарственным письмам в штабе никто не удивляется. Особенно их много осенью, после окончания третьего — трудового — семестра. Но одно письмо меня удивило. Оно из совхоза «Обский» Новосибирского района, а подписал его директор совхоза, секретарь парткома и секретарь комитета комсомола. Приведу несколько строк: «Для увековечения заслуг отряда «КОМОС» совхоз «Обский» вносит в исполком Криводановского сельского Совета народных депутатов предложение — назвать одну из новых улиц села его именем». Это уже след в жизни. И — в истории. Своя улица! А директор новосибирской школы-интерната № 35 Алла Николаевна Гудовская об отряде сказала так: «Понимаете, не могу без волнения говорить о ребятах. Их поведение, общественная работа, чувство ответственности выше похвал. Настоящие друзья школы!»

Какая связь между студенческим строительным отрядом Новосибирского электротехнического института, совхозом и школой-интернатом? Чтобы ответить на этот вопрос, расшифруем сначала необычное название «КОМОС»: коммунистический отряд студентов! Существует уже семь лет.

— Устав нашего отряда, — рассказал боец Олег Сидоров, — держится на трех китах. Коммунистическое отношение к труду, коммунистические отношения в быту, коммунистическое отношение к окружающим...

За минувшее лето тридцать с небольшим бойцов «КОМОСа» построили в совхозе два жилых дома, три дома оштукатурили, реконструировали котельную, активно заготавливали корма, помогли отремонтировать столовую и проводили телефон в селе. Выработка на од-

ОНИ СТРО

ного бойца составила 1882 рубля.

Все деньги, заработанные летом, ребята передают школе-интернату. Выходит, что работают они безвозмездно. Безвозмездной работой в селе они буквально встряхнули там общественную жизнь. Сил хватало и на концерты, и на митинги солидарности, и на операцию «Память», и на организацию фирмы бытового обслуживания «Спасибо»... Ребята сами программируют свои дела, все делают сами. В полном соответствии с теми, можно сказать, нравственными законами, которые приняли. А получают взамен людскую благодарность. Пройдите по улицам села Марусино, где центральная усадьба совхоза, загляните в дома ветеранов Великой Отечественной войны, и вы услышите о студентах слова горячей признательности.

Прекрасную гражданскую школу «КОМОС» прошли уже более двухсот юношей и девушек. Спрос с них во время учения в институте выше, чем с других студентов. И это никого не удивляет. Стало нормой. И пока не было случая, чтобы

НЕТ — «ПЕРШИНГАМ» И КРЫЛАТЫМ РАКЕТАМ

кто-то оскраил высокое звание бойца отряда «КОМОС».

Студенческие годы быстротечны. Ребята уходят из отряда, но связи с ним не теряют. Нынешним летом, когда начали строить в совхозе жилье, вдруг обнаружилось, что у ребят маловато опыта. А надо было «заводить углы» — самое ответственное дело! Тогда бывалые комосовцы, четверокурсники Василий Андриенко и Николай Бусовиков сумели выкроить несколько дней и приехали в Марусино. Углы были заведены отлично.

Разговор с бойцами из «КОМОСа» шел в комитете комсомола института. Разговор прямой. Но я все же стеснялся задать вопрос, который давно вертелся на языке. Проницательный комиссар отряда Елена Пишикина с улыбкой сказала:

— Вероятно, и вы спросите о том, о чем нас все спрашивают!.. И я спросил:

— Неужели вам не нужны деньги?

Коллективный ответ попытаюсь изложить своими словами. Возвращается стройотряд после трудового лета в город, у каждого есть честно заработанные деньги. Один купит себе какие-то вещи, другой отложит деньги на туристическую поездку, третьему они вообще нужны, так сказать, на карманные расходы... Ничего плохого в этом нет. Свои деньги. Заработанные. Тут и гордость и радость. Но ребята из отряда, по их уверениям, испытывают куда большую радость тогда, когда видят, как меняется лицо школы-интерната № 35. Ушли в прошлое унылые интернатские стены, крашенные когда-то темно-синей краской, заменена громоздкая мебель, и многое другое изменилось. А главное — глаза ребяткишен!

Несколько слов о школе-интернате. Здесь учатся дети из так называемых неблагополучных семей. Детство у них было здорово омрачено. Таким особенно нужна крепкая рука старшего товарища. Именно такая забота у студентов. Совесть и долг им продиктовали: помочь интернату материально — не только сочувствием.

Комосовцы знают цену деньгам. Доходы их семей несколько не выше, чем в семьях других студентов. Средние, как принято писать. Но ребята сами добровольно решили, что их личные деньги пока нужнее школе-интернату. И все.

Естественно, студенты не ограничивают свою помощь школе передачей денег. Летом студенты посылают сюда «комиссаров» в отряд старшенластников «Лесные Робинзоны».

ЯТ ВРЕМЯ

И не только летом — круглый год поддерживают студенты связь со школой. Ведут кружки, помогают воспитателям. Недавно тут состоялся митинг солидарности. В школу вместе с бойцами из «КОМОСа» приехали студенты из ГДР, обучающиеся в электротехническом институте. Рассказали о том, как борется за мир немецкая молодежь. Звучали песни протеста, звучало гневное «нет» войне. Настоящий урок интернационализма.

А как школьники относятся к студентам? На этот вопрос директор Алла Николаевна ответила коротко: «Они их любят!»

Нельзя не полюбить таких ребят. Работящих, добрых, веселых, талантливых. У «КОМОСа» есть свой гимн. Его написал бывший комиссар отряда Сергей Гребнев. А в гимне есть строка: «Мы строим время». Да, они строят свое время. И себя и свою жизнь.

Михаил ЩУКИН,
собкор «Огонька»

Новосибирск.

«В яркий, солнечный день, такой, как сегодня, трудно поверить, что мы стоим на пороге мрачной ночи. Невозможно себе представить, что на нас надвигается опасность. Администрация Рейгана уже ведет активную подготовку к размещению в ряде стран Западной Европы новых американских ракет. «Першинги-2» и крылатые ракеты — не средство сдерживания, как утверждают в Вашингтоне. Это — оружие для нанесения первого удара и, значит, для развязывания ядерной войны», — говорит Патриция Эллсберг, жена известного общественного деятеля США Даниэля Эллсберга.

В то время, как Патриция выступала на многотысячном митинге в Сан-Франциско, ее муж находился в Европе. Он шел в рядах демонстрантов, которые несли плакаты и лозунги с надписями «Нет — «Першингам» и крылатым ракетам!». А на митинге в Сан-Франциско выступили и представители антивоенного движения стран Западной Европы. Сторонники мира европейского континента и Соединенных Штатов объединили свои усилия в борьбе против надвигающейся угрозы ядерной войны.

В тот солнечный день в конце октября огромную площадь перед муниципалитетом Сан-Франциско, недалеко от здания оперного театра, где в 1945 году было провозглашено создание Организации Объединенных Наций, заполнили тысячи людей. Домохозяйки и сотрудники научных учреждений, студенты и автомобилестроители, юноши и старики, католики и лютеране, представители организаций национальных и расовых меньшинств, ветераны десятков антивоенных демонстраций, люди, многие из которых никогда прежде не интересовались политикой, а в газетах читали только спортивные колонки, собрались вместе с единой целью — отстоять мир.

О растущей озабоченности американцев положением дел в мире и в своей стране говорили плакаты и транспаранты. «Положить конец безумной гонке ядерных вооружений!», «Прокормите города, а не Пентагон!», «Работу, а не ядерные ракеты!», «Заморозить ядерные арсеналы!», «Средства — на социальные нужды, а не на войну!», «Прекратить вооруженное вмешательство во внутренние дела других стран!». Трое в длинных балахонах и масках смерти держали в руках картонные ракеты с надписью «крылатая смерть», девушка с копной золотых волос подняла высоко над головой простой лозунг, на дощечке было выведено по-русски и по-английски слово «мир».

Митинг был проведен по инициативе коалиции против «Першингов» и крылатых ракет, которая объединяет свыше 150 политических, общественных, профсоюзных, женских, молодежных и религиозных организаций. Она возникла как ответ на агрессивный курс Вашингтона, полностью игнорирующего чаяния американских избирателей. Ведь еще в ноябре прошлого года в ходе промежуточных выборов в конгресс

США и местные органы власти около 11 миллионов американцев высказались против гонки ядерных вооружений и за замораживание ядерных арсеналов. Последние опросы общественного мнения, проводимые в Соединенных Штатах и Западной Европе, как подчеркнула П. Эллсберг, показывают, что 70 процентов населения выступают против опасных планов Вашингтона и НАТО в Европе.

В беседах со мной представители различных общественных и ре-

Полицейская расправа с участниками одной из антивоенных манифестаций, которая была организована в Уилмингтоне (штат Массачусетс) у ворот завода, где производятся «Першинги-2».

Телефото ЮПИ — ТАСС

лигиозных организаций, принявших участие в митинге, давали высокую оценку последовательной миролюбивой политике Советского Союза, которая нашла отражение в конструктивных предложениях СССР, нацеленных на достижение договоренности в Женеве: «Советское правительство, — заявил Тим О'Ралли из «группы действия Ливермора», — неоднократно демонстрировало свое стремление отвести ядерную угрозу и укрепить безопасность на нашей планете, но администрация Рейгана по-прежнему пытается добиться военного превосходства над СССР, обеспечить Соединенным Штатам доминирующие позиции в мире и продолжает следовать своим антинародным курсом». «Последние два года показали, — вступает в разговор Нэнси Хэмфри из «Центра мира Сан-Хосе», — что Вашингтон занимает одну и ту же позицию на переговорах и старается гарантировать себе односторонние преимущества, фактически срывая женевские переговоры. Все это ради осуществления своих ракетно-ядерных планов в

Европе, а размещение «Першингов» и крылатых ракет поставит человечество перед реальной угрозой — в считанные минуты может начаться ядерная война».

«За период с января 1979 по июнь 1980 года, — говорит Кит Карсон, помощник члена палаты представителей конгресса США Рональда Делламса, — сенатская комиссия по делам вооруженных сил насчитала 147 случаев, когда мир находился на грани ядерной войны из-за неполадок в системах ЭВМ Пентагона. Иными словами, били ложную тревогу чуть ли не дважды в неделю. В ряде случаев проверка заняла довольно много времени, но возможность проверить и перепроверить исключается с появлением в Европе «Першингов-2» и крылатых ракет. После их развертывания угроза войны войдет в каждый дом. — Я пришел на митинг, — подчеркнул Карсон, — потому что люблю свою страну и не хочу ее гибели».

События последних дней, свидетелем которых мне довелось стать, ясно говорят о том, что администрация Рейгана никак не может похвалиться широкой поддержкой своего милитаристского курса. В тот день, когда тысячи людей собрались перед муниципалитетом, на Юнион-сквер, одной из центральных площадей Сан-Франциско, с ее богатыми магазинами и шикарными отелями, кучка почитателей политики «большой дубинки» попыталась организовать нечто вроде контрдемонстрации. Но напрасно они зывали к прохожим и старались всучить листовки, в которых расписывалась «красная опасность». Им не удалось собрать даже десятка слушателей.

Возможно, именно поэтому в последующие дни власти прибегли к испытанным методам — на разгон антивоенных манифестаций бросили полицейских, вооруженных дубинками, и свыше ста человек были арестованы по стандартному обвинению в «нарушении общественного порядка».

«Все большее число американцев осознает, — говорит Томас Кохен, преподаватель университета в Беркли, — что новейшие ядерные ракеты, предназначенные для размещения в Европе, угрожают не только европейцам, но и народу Соединенных Штатов, народам всей планеты. Декабрь этого года, когда Вашингтон и НАТО планируют приступить к развертыванию ракет, поставит мир перед резко возросшей угрозой термоядерной катастрофы. Время не терпит. Мы должны объединить свои усилия сегодня, чтобы обеспечить завтрашний день. Отстоять мир на Земле — главная задача людей Мира, — подчеркивает Кохен. — Простите, — поспешно прерывает он наш разговор, — я могу отстать от своих», — и присоединяется к потоку демонстрантов, текущему по улицам-улицам мимо небоскребов деловых кварталов Сан-Франциско. С каждым днем этот поток набирает новые силы.

Юрий УСТИМЕНКО,
собкор ТАСС,
специально для «Огонька»

Сан-Франциско.

Военно-транспортные самолеты «С-130», которые используются для переброски войск на Гренаду.

Телефото АР — ТАСС

Цепочка веселых молодых людей спускается по трапу самолета. Стреляют фотовспышки. Сияют «юпитеры» телевидения.

— Благодаря мужеству наших морских пехотинцев американские студенты возвращаются из Гренады на родину! — захлебывается комментатор. — Дни ужаса и отчаяния позади! Они благодарят администрацию Рейгана за то, что та пошла на все, чтобы обеспечить их безопасность...

А когда же начались эти дни ужаса и отчаяния? Не после ли разбойного вторжения на остров американского десанта?

По этому поводу здешние комментаторы молчат. Газеты, телевидение продолжают тянуть ноту, заданную камертоном администрации: вторжения в Гренаду нельзя было избежать из-за той угрозы, какая нависла над жизнями американских граждан. «Кошмар наших заложников в Иране не должен был повториться», — заявил Р. Рейган, глядя с экрана в глаза многомиллионной аудитории.

Как это далеко от правды! Мир уже знает, что новые власти Гренады официально гарантировали безопасность американцев и всех других иностранцев в телеграмме, направленной посольству США в Барбадосе 23 октября. Вашингтону также предоставили возможность эвакуировать своих студентов. Это предложение было отвергнуто. Сегодня ложь администрации разоблачают те, кого она «освобождала», — сами студенты.

Гери Солин, аспирант медицинского колледжа, жил в Гренаде уже седьмой год. Никакой нужды в спасательной операции, по его мнению, не было.

— Нашей безопасности никогда и ничто не угрожало, — говорит он. — Рейгановское правительство использовало нас как оправдание,

чтобы совершить вторжение на Гренаду. Им нужен был предлог, и этим предлогом стали мы.

Гери Солин подтверждает свое заявление поразительным фактом. Вечером в понедельник, 24 октября, он лично беседовал с Х. Остином, лидером революционного военного совета Гренады. Генерал вновь гарантировал полную безопасность студентов.

Тезис о «спасательной миссии» совсем развалился, когда впросак попал Л. Спикс, представитель Белого дома по вопросам печати. Спикс чуть не сорвал голос, доказывая, что гренадский аэропорт Перлс был закрыт и это окончательно убедило Вашингтон, будто студентов вот-вот захватят в качестве заложников. На беду Спикса, в Гренаде в эти дни находился американец Роберт Мейерс, отставной чиновник органов социального страхования. Он прибыл на остров по поручению Организации американских государств с заданием технического характера 13 октября и вылетел обратно из аэропорта Перлс в понедельник, 24 октября. Мейерс заявил, что не только хаоса, но и никакого нарушения графика полетов не было и в помине. В то утро, по его словам, из Перлса вылетело еще три небольших самолета с тридцатью пассажирами каждый.

Итак, американские студенты могли покинуть остров, могли быть эвакуированы, имели возможность, наконец, остаться в условиях полной безопасности, гарантированных военным лидером Гренады. Вместо этого на остров нагрянуло теперь уже 15-тысячное войско со «спасательной миссией». Растоптан суверенитет независимой страны. Взорван Батлер Хаус — резиденция гренадского правительства. На тайно снятых кадрах американские солдаты волочат за ноги десятки трупов. И Каспар Уайн-

бергер, министр обороны США, восторженно именует все это «ценой свободы».

Цена разбоя — так точнее.

Чувствуя, что ссылка на заботу о безопасности студентов становится смехотворной, администрация Рейгана стала поспешно вносить изменения в тезисы, с помощью которых делается попытка оправдать бандитское вторжение в Гренаду. Теперь на первое место выдвигается то, что там якобы обнаружили десантники. А обнаружили они, как утверждает, нечто ужасное. В своей речи американский президент живописует несметные склады, до потолка набитые кубинским и советским оружием, которым можно будто бы оснастить чуть ли не все армии Латинской Америки. «Это была советско-кубинская колония, подготовленная в качестве главного бастиона для экспорта террора», — пугает Рейган.

Тут было бы к месту проиллюстрировать это жуткое утверждение хотя бы маленьким фактом, хотя бы фотографией размером девять на двенадцать. Но ничего подобного нет в распоряжении Рейгана. Я листаю все главные американские газеты и смотрю телепередачи чуть ли не круглосуточно. Что пока бросается в глаза, так это полная, почти непробиваемая информационная блокада событий в Гренаде. Пентагон словно накрыл остров черным копаком, и пресса бьется об него, как ночная бабочка.

Ни один американский корреспондент не сопровождал войска США в часы высадки десанта. Семерых репортеров, самостоятельно пробравшихся к этому времени на остров на зафрахтованном суденышке, тут же посадили под домашний арест, а потом отправили, на десантный вертолетоносец «Гуам».

РАССТРЕЛ

Американские интервенты на Гренаде.

Артиллерия морской пехоты США ведет огонь по позициям защитников острова.

ГРЕНАДЫ

ПОЧЕМУ ПРЕЗИДЕНТ
НАЖАЛ НА КУРОК?

Зажим хваленой свободы печати сейчас таков, что даже она, эта привыкшая ко всему печать, взбунтовалась. Американское сообщество газетных редакторов заявило, что ограничения, наложенные администрацией Рейгана на передачу материалов о событиях в Гренаде, «уходят далеко за то, что можно назвать военной цензурой».

В печати усиливаются предположения, что за завесой секретности мастера подтасовок из ЦРУ забрасывают сейчас на остров партии оружия, чтобы выдать их за «кубинско-советский арсенал для экспорта террора». Но получается это плохо. Под нажимом прессы, уставшей сидеть с завязанными глазами, Пентагон начал в последние дни возить на Гренаду экскурсии репортеров. Привезут на вертолете на пару часов и тут же увезут. А в промежутке — в сопровождении офицеров — показывают только то, что пресса должна видеть.

Не «советско-кубинскую колонию» увидели американцы. Перед ними предстали вещественные свидетельства колониального насилия, творимого политической верхушкой США. В свое время по американским индейцам стреляли из ружей «Марлин». По жителям Гренады ведут огонь из скорострельных пушек, установленных на вертолетах. Технический прогресс колониализма. А выдается он за что угодно: за спасательную операцию, за предотвращение «экспорта террора» и, наконец, за ответ на просьбу обеспокоенных государств Карибского бассейна.

Остановимся подробнее на этой «просьбе». С каких это пор одна страна может попросить другую совершить интервенцию против третьей? А если завтра Южно-Африканская Республика попросит Соединенные Штаты предпринять вторжение в Анголу? Или чилийский главарь Пиночет рано утром разбудит Рейгана и будет умолять напасть на Аргентину? Сама такая постановка проблемы убеждает в презрении администрации США и к международному праву, и к Уставу ООН, и к принципам суверенитета, которые она в других случаях воспекает.

Мир стал свидетелем рождения того, что можно назвать «доктриной Рейгана». Она, эта доктрина, проповедует вооруженную интервенцию там, где форма демократии, избранная народом, не устраивает обитателей стратегической оперативной комнаты в Белом доме.

Тем более что никакой совместной просьбы карибских государств к Вашингтону не было. Как выясняется, именно американская администрация подбивала своих малых союзников на преступление против Гренады.

Маленький остров стал жертвой бандитской агрессии с единственной целью — изменить социально-политический выбор, сделанный народом Гренады. Рейган не ограничился проклятиями в адрес неугодной ему идеологии. Он стал давить ее танкетками, расстреливать ракетами с вертолетов.

Вот почему интервенция в Карибском море подняла такой шторм гнева в Западной Европе и в самих Соединенных Штатах. Джесс Джексон, возможный кандидат в президенты на выборах 1984 года, заявил, что «американцы должны испытывать чувство отвращения и ярости», «циничными и неубедительными» назвал оправдания администрации обозреватель «Нью-Йорк таймс» Тед Шульц. А сенатор Алан Крэнстон, другой кандидат в Белый дом от демократической партии, сказал так: «У нас сейчас президент, который счастлив лишним раз нажать на курок. Рейган безответственно вверг Соединенные Штаты в две войны» (имеется в виду еще Ливан. — В. С.).

Полиция не успевает арестовывать демонстрантов, протестующих против насилия над Гренадой, в университетах, у здания конгресса, в фойе миссии США при ООН. Пятеро смельчаков забрались даже на статую Свободы и вывесили там полотнище: «Американские морские пехотинцы — вон из Гренады!»

Символ здешней «демократии» стал флажком протеста против ее кровавой практики.

Владимир СИМОНОВ,
собкорр. АПН,
специально для «Огонька»

Нью-Йорк.

ОКТАБРЬ И МИР

Владимир НИКОЛАЕВ

Декрет о мире был первым законодательным актом Советского государства. С тех пор, с Октября 1917 года, время отсчитало 66 лет. Все эти годы идет борьба между силами мира и войны, силами социализма и империализма. В ответ на мирные предложения республики рабочих и крестьян против нее была развернута интервенция Англии, Франции, Японии, США и других капиталистических государств. Тогда в органах буржуазной прессы не было недостатка в пророчествах о скорой гибели первого в мире социалистического государства. 22 ноября 1917 года газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Союзники изолируют Россию, чтобы покончить с большевистским правлением». Покончить не удалось ни тогда, ни после. Хотя попыток было предпринято немало. Достаточно вспомнить провокационную западную политику «умиротворения» фашистских агрессоров и натравливания их на Советский Союз. В начале Великой Отечественной войны газета «Нью-Йорк джорнэл Америкэн» объявила: «Будем надеяться, что... Европа объединится против распространения азиатского коммунизма».

Новый вклад в антисоветскую истерию вносит и администрация Рейгана. Под шумиху о «советской угрозе» и «советском превосходстве» в США развернута безудержная гонка вооружений, с американским размахом рекламируются такие категории ракетно-ядерной философии, как возможность атомной войны и возможность победы в ней. И с каждым днем возрастает агрессивность внешней политики. Соединенные Штаты стремятся превратить Европу в ядерный полигон, а Латинскую Америку — в свою вотчину, американские войска направлены в Ливан и Гренаду. По воле Вашингтона льется кровь...

В ответ на происки ядерных маньяков по всей планете проходят массовые выступления против угрозы ядерной войны. Ширятся они и в США. В прошлом году в Нью-Йорке я был свидетелем демонстрации в защиту мира, в которой приняло участие около миллиона жителей города. Тогда известный американский кинорежиссер Андре Грегори сказал: «Однажды вечером я смотрел по телевизору выступление Рейгана. Он говорил о возможности ведения «ограниченной» ядерной войны. Я подумал: это же безумец. А потом мне пришла в голову мысль: а не безумец ли я, если сижу сложа руки в то время, как под предлогом советской угрозы разрабатываются самые безумные планы». Во время той нью-йоркской демонстрации я часть пути прошел в колонне ветеранов войны во Вьетнаме, они несли лозунг «Нас больше не одурачить!». Да, милитаристским силам стало труднее одурачивать людей после Октября 1917 года, после того, как наша страна стала авангардом сил мира и прогресса. Вспомним последние выступления против политики США и НАТО в Советском Союзе, ФРГ, Франции, Англии, Италии, Бельгии, Нидерландах... Сотни тысяч, миллионы людей выходят на улицы, чтобы выразить свою волю к миру.

Летом этого года мне довелось в качестве корреспондента присутствовать на Всемирной ассамблее «За мир и жизнь, против ядерной войны», состоявшейся в Праге. Всенародное движение против войны еще не знало международной встречи такого масштаба и значения. Настроение, царившее на ассамблее, было выражено в начальных словах ее Воззвания: «Человечество подошло к роковому перекрестку своей истории. Один шаг в неверном направлении — и мир может быть ввергнут в пропасть ядерной войны».

Обоснованная тревога. Уже накоплено столько ядерного оружия, что оно способно в случае его применения уничтожить все живое на Земле несколько раз. Где выход из ядерного тупика? Только в разоружении. Путь к нему четко указан в ответах Ю. В. Андропова на вопросы газеты «Правда», опубликованных 27 октября этого года. В них отмечается, что из-за политики США на Женевских советско-американских переговорах об ограничении ядерных вооружений в Европе сложилась тупиковая ситуация. В ответах излагается позиция Советского Союза в этом вопросе и подчеркивается, что с нашей стороны не было недостатка в шагах, в том числе односторонних, в целях создания максимально благоприятной обстановки для достижения успеха на переговорах. «Мы проявляли и проявляем гибкость», — говорит Ю. В. Андропов, — в нахождении конкретных решений при соблюдении одного, но непеременимого требования: равновесие сил в Европе по ядерным вооружениям средней дальности не должно быть нарушено. Уровень этих вооружений у обеих сторон может и должен быть радикально снижен, но таким образом, чтобы соотношение сил между ними осталось неизменным».

Как известно, Вашингтон собирается уже в ближайшее время приступить к развертыванию в Западной Европе своих «Першингов» и крылатых ракет. Их появление в Западной Европе, говорится в ответах Ю. В. Андропова, сделает невозможным продолжение ведущихся сейчас в Женеве переговоров. С другой стороны, они могут быть продолжены, если Соединенные Штаты не приступят к фактическому размещению ракет.

Ответы Ю. В. Андропова — в центре внимания международной общественности и прессы. Советский руководитель, пишет газета «Вашингтон пост», объявил о новых предложениях в области контроля над вооружениями, продемонстрировав гибкость Советского Союза. Инициативы СССР, считает японское агентство Киодо Цусин, дадут еще больший стимул развитию массового антивоенного, антиракетного движения. «Принятие этих конкретных предложений Западом привело бы к прекращению нового витка гонки вооружений», — пишет джесселдорфская газета «Унзере цайт». — Не допустить развертывания нового американского ядерного оружия первого удара на территории Западной Европы и продолжить переговоры в области разоружения — таков последний шанс для ограничения ядерных вооружений на европейском континенте. Тот, кто его не использует, будет нести ответственность за все последствия обострения международной обстановки».

Высоко реет над планетой знамя Октября, знамя мира. На него с надеждой смотрят миллионы людей на всех континентах. Они знают: ядерная катастрофа может и должна быть предотвращена.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Кукрыниксы. ЛЕНИН В РАЗЛИВЕ.

Кукрыниксы, БАРРИКАДЫ НА ПРЕСНЕ.

В облике Аннакули Артыкова многое под стать характеру: крупные черты лица, широкая, открытая улыбка. И глаза озерной, редкой для туркмена светлости — то подернутые холодком воспоминаний о пережитом или досадными фактами текущих дней, то теплые, небесно-бирюзовые, когда встречается со школьниками или когда, вот как сейчас, ведет доверительный разговор с комсомольцами агитпоезда, мчащегося из Ашхабада в Красноводск.

— Все же балованные вы, ребятки, — мягко говорит он своим юным спутникам. — В еде недостатка нет, одевайтесь по моде, можно сказать, до самой воинской службы... Не пора ли мужчинами стать?

— Вон Лолка уже ковбойские джинсы натянула! — прыскает девушка, сидящая напротив. — А Сердар наверняка о шотландской юбке мечтает, чтоб обратить на себя восхищенные взоры...

— Мамина дочка... — вскидывается Сердар. — Вот явлюсь на побывку в голубом берете десантника, за счастье сочтешь, если на танцплощадке подойду...

Аннакули Артыков, один из первых комсомольцев Туркмении, член партии с 1919 года, смеется вместе со всеми. Он прямо-таки помолодел, вроде бы свалил с плеч два-три десятка лет после поездки нынешним летом в Москву, где ветеранов партии принимали в Центральном Комитете КПСС. Остро почувствовал аксакал, пенсионер всесоюзного значения, что нужны людям, необходимы его многотрудный опыт, его личный пример. Его будни плотнее наполнились беседами с молодежью, ответами на острые вопросы, ходатайствами по насущным общественным делам, разговорами по душам, как в этом купе...

Упрекни ребят в позднем взрослении не этот почтенный ветеран, а, скажем, сердитый папа или всепрощающая мама, вряд ли дело окончилось веселым смехом, скорее — семейной ссорой. А тут...

— Да живи я в Ашхабаде, когда там орудовали белогвардейцы с англичанами или меньшевики с басмачами, тоже знал бы, что мне делать! — вдруг обрывает смех будущий десантник.

«Сработало!» — довольно отмечает про себя Аннакули Артыков. В начале пути он уже успел рассказать ребятам о местах, которые они будут проезжать, о жестоких схватках с бандитскими шайками Джунаид-хана и других басмаческих главарей, разбитыми здесь в двадцатые годы. И, конечно, о том, как он в свои пятнадцать лет наотрез отказался распространять среди туркменских дайхан лживую белогвардейскую газетенку, более того, смело поставил подпись под коллективным заявлением об отказе, что грозило расстрелом. Спасло то, что части Красной Армии в решающую ночь вышибли из Ашхабада белых вместе со штабс-капитаном, который вел следствие.

Сын многосемейного и «маловодного» дайхана (в Туркмении земля без поливной воды не земля), Аннакули уже тогда, подростком, зарабатывал себе на хлеб в садоводческой школе, образованной в окрестностях Ашхабада русскими ссыльными, постиг азы грамоты.

— А политграмота была, можно сказать, перед глазами, — говорил Артыков. — Разные слуги «закона и порядка» грабили народ, как могли, реквизизировали скот, выгребали скудные припасы до зернышка, насильничали, убивали...

— В общем, очень просто было, как вы говорите, занять активную гражданскую позицию, — словно оправдываясь, заявила Лола. — А сейчас? Задержишь с дружинниками подвыпившего дебошира, а с зазода шлют характеристику, что он пайныка! На поруки берут!

— Значит, задерживать хулигана нет никакого смысла? — иронически улыбается Артыков. — Второй раз задержите такого молодца, и у заводчан не поднимется рука подписывать ангельскую характеристику! С маленьких дел все начинается...

Аннакули Артыков.

Фото С. Корытникова

«НАЧИНАЙТЕ С СЕБЯ...»

— Ну, вот... Потому мы и ходим в «маленьких» до седых волос, — парировала девушка под одобрительное оживление сверстников. — Вам повезло родиться в то время, когда все дела были большими.

— Как, например, шитье мешков, — раздосадованно сказал Артыков. — По-вашему, совсем пустячное дело...

— Каких мешков? — переглянулись ребята.

— Под зерно... А которые побольше, они канарами называются, — подхлопок... Тех мешков, которые шили ваши прабабушки, — исподволь завладевал вниманием Артыков и убежденно воскликнул: — Да если бы мы в 1925 году на заседании Ташаузского окружкома партии, где я секретарствовал тогда, не приняли решения привлечь женщин-туркменок к шитью обыкновенных мешков, вряд ли в нашем поезде ехало сейчас столько веселых, образованных, словоохотливых девушек!

Паузу недоумения нарушила реплика:

— Но при чем тут... мешки?

— А притом! — столь же горячо продолжал Аннакули-ата. — Затворницами, рабынями в своих кибитках жили ваши прабабушки. Думаете, легко было собрать их воедино в опустевшем байском доме?.. А тут и мужчины сняли запрет: шить мешки — нужное дело! Иначе как перевозить урожай?.. Пропадет!

— И поэтому мы, образованные, сейчас весело едем в этом агитпоезде... — не без подначки заулыбалась сидевшая напротив Артыкова девушка.

— А вы лучше пошезелите мозгами, — окинул Артыков выжидательным взглядом ребят. — Изю дня в день эти женщины работали вместе... Значит, это уже что?

— Двойка тебе, мамина дочка, — отыгрался за шотландскую юбку будущий десантник. — Подтвердите, Аннакули-ата, что я взрослою на глазах... Вместо отдельно взятых женщин-затворниц получился здоровый рабочий коллектив!

— Молодец, — похвалил Артыков, слегка задержав его школярской веселостью. — Но вот что бы ты лично, Сердар, предпринял дальше?

— Будучи секретарем окружкома партии? — выгадывал время парень.

— Известно что... — не упустила случая «мамина дочка». — Произнес бы «речугу»!

— Не удалось бы, — ухмыльнулся Артыков. — Мужчинам в тот дом вход был запрещен! Так что лучше скажи о себе... Представь, что ты женотделка!

— Кто? — подняла брови девушка.

— Были такие мастерицы по отделке женского платья... — уколол Сердар под взрыв смеха.

Артыков нахмурился. В глазах появилась характерная серебристость. Заметив это, ребята застыли в неловком молчании.

— Женотделки... — промолвил аксакал в чуткой тишине. — Люто мстили басмачи работницам женского отдела окружкома партии... Привяжут такую вот активистку заживо к хвосту резвого ахалтекинца, пришьют его и на полном аллюре в Каракумы!

Женотделки шли к первым собравшимся вместе неграмотным и забытым феодальными обычаями женщинам. Шли с самым страшным для порабощенных оружием... Каким? Да обычным букварем! Учили ваших бабушек и прабабушек грамоте, освобождали их души от рабства, приобщали к настоящей жизни... С маленьких на первый взгляд дел все начинается!

В его устах это прозвучало особенно убедительно. Аннакули Артыков принимал личное участие в становлении народного хозяйства Туркменской ССР. Много лет работал в аппарате ЦК Компартии Туркмении, был ее постоянным представителем при Средазэкономсовете в Ташкенте, возглавлял республиканский наркомат просвещения, проводил коллективизацию в особенно трудных, приграничных районах, где свирепствовали басмачи с английскими винтовками. А затем, получив высшее образование в Москве и став инженером-текстильщиком, возглавлял республиканский Наркомат текстильной промышленности.

— В Ташаузе большое дело начали с шитья мешков, а в Ашхабаде — с лопат, когда рыли котлован под нынешний текстильный комбинат имени Дзержинского, — продолжает Аннакули-ата. — Не хватало их для всех энтузиастов. Мне, как наркому, конечно, отыскивали самую большую...

Немало лет возглавлял Аннакули Артыков Постпредство Туркменской ССР в Москве, был заместителем председателя Госплана республики, работал в местной промышленности, а после выхода на пенсию заведовал партархивом Туркменского филиала Института марксизма-ленинизма.

— Партархив... Думаете, тихое, малое дело? — загорается мой собеседник. — Жизной учебник жизни! Чтоб уверенней шли вперед наши единомышленники в развивающихся странах Азии, Африки, Латинской Америки, да и все прогрессивные, думающие люди планеты, я передал свой личный архив в город Ленина, в ленинградский Музей Великой Октябрьской социалистической революции. Эти туркменские реликвии составили самостоятельную экспозицию, открывшуюся в канун празднования 80-летия II съезда РСДРП.

Нет, не только славным прошлым живет ветеран партии Аннакули Артыков! Он и сегодня в строю, и не только как председатель Совета содействия при ЦК Компартии Туркменистана.

— Когда я слушал выступления своих сверстников в Кремле, а затем душевные слова Юрия Владимировича Андропова, я говорил себе: «Аннакули, партия снова зовет тебя на передний край! Каждый твой поступок, каждое слово — бой за человека».

— Что вас особенно заботит сегодня?

— Главное? — переспросил он. — Научить Сердара быть Аннакули!

— А Лолу или «мамину дочку»?

— Лолу?.. — заулыбался он. — Ну хотя бы Ниной! Так я зову свою подругу жизни Антонину Александровну... Член партии с 1945 года. Из России она. Скольких бойцов поставила на ноги в своем госпитале в годы Великой Отечественной! Да и сейчас всю душу вкладывает в дело, работая в роддоме.

— Довольны вы своими детьми, внуками?

— И правнуками тоже... Хорошо растут! — улыбается Аннакули Артыков. — За своих я спокоен, с детских лет не балую, — сказал он, веско добавив: — А без этого как выходить на люди в роли наставника? Начинайте с себя, иначе говоря, с малого...

ЕСТЬ ТАКОЕ
ПОНЯТИЕ,
КАК ФАМИЛЬНОЕ
ДОСТОЯНИЕ...
ЭТО СОВСЕМ
НЕ ДЕНЬГИ,
НЕ ДОРОГИЕ
ВЕЩИ
ИЛИ КАКИЕ-ТО
ДРУГИЕ,
КАК ИХ ЕЩЕ
НАЗЫВАЮТ,
МАТЕРИАЛЬНЫЕ
ЦЕННОСТИ.
ЭТО ХАРАКТЕР,
ТРАДИЦИИ, ДУХ,
ЧЕСТЬ ЧЕЛОВЕКА
И ЕГО СЕМЬИ.
ЭТО ИСТОРИЯ
ВАШЕГО ДОМА,
ВАШЕЙ ФАМИЛИИ
И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ
ИСТОРИЯ СТРАНЫ.

...Ладога бушевала седьмые сутки, и каждый новый рассвет приближал беду, отвести которую могла всего одна тихая, безлунная ночь. Но именно к ночи набирал свою страшную силу разгулявшийся в неоглядных просторах озера-моря ветер. Коварный ветер коварного моря. Бессмысленно соваться в эту верную погибель крохотному буксиру с неповоротливой баржей. Бессмысленно ждать и рассвета, даже если вдруг стихнет шторм и поверхность моря станет гладкой, словно городской асфальт. Не от воды, с ясного не-

Л. Г. Молчанов в Военно-Морском музее.

Спасенные корабли.

Олег ПЕТРИЧЕНКО

Фото Ю. ЩЕННИКОВА
и из альбомов МОЛЧАНОВЫХ

ИСТОРИЯ СЕМ

Бабушка Евгения Ивановна.

—Таким был ваш прадедуска!— Маргарита Леонидовна с внуками Антоном, Светой, Владиком и Димой.

ШИЕ КОРАБЛИ

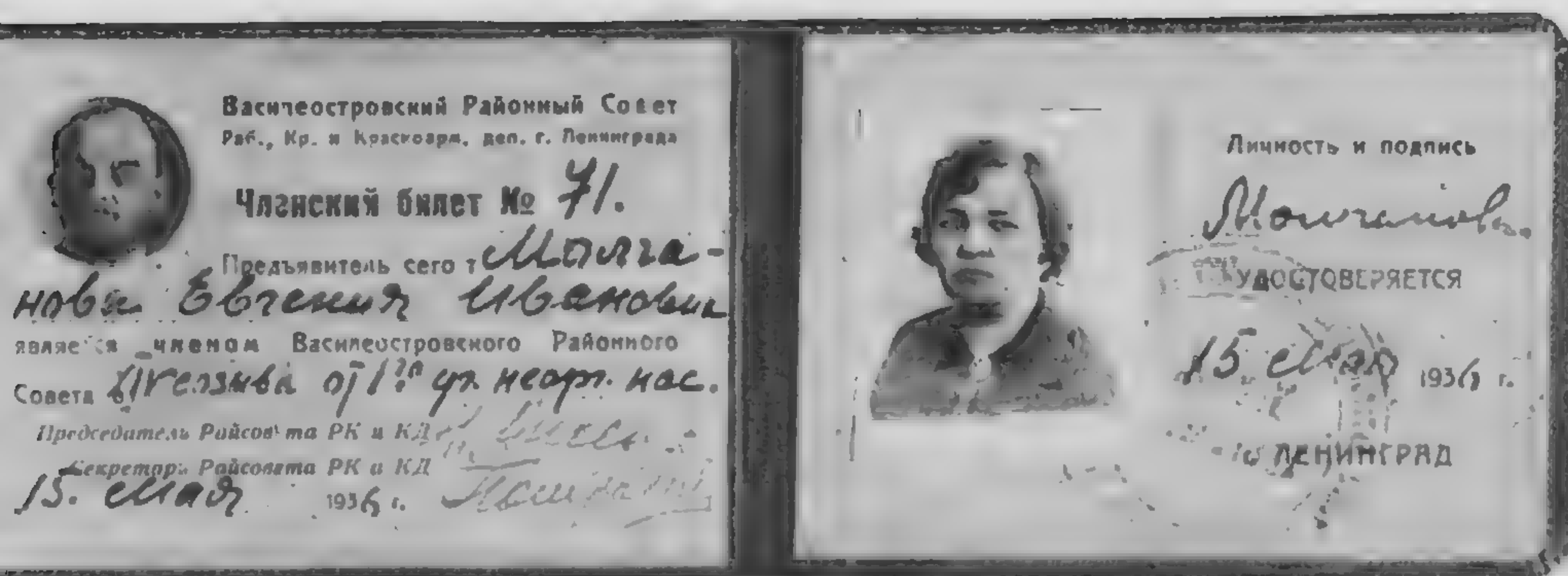

Маргарита Леонидовна в годы Великой Отечественной войны.

Ы И МОЛЧА Н О В Ы Х

Третье поколение — Марина и Валерий.

Удостоверение Е. И. Молчановой, члена Василеостровского районного Совета депутатов (1936 г.).

Правнук легендарного водолаза Дима Соколов.

Скульптор Андрей Клименко.

Прессовщик Геннадий Кравцов когда-то воспитывался в семье Молчановых.

ба придет беда: маленький тихоходный караван водолазного отряда — верная добыча для хищных «юнкеров», безотлучно выслеживающих на Ладоге все живое.

Такую вот неразрешимую задачу поставила война перед командой ленинградских водолазов, прокладывавших электрокабель к осажденному городу. Из всех мук блокады, выпавших на его долю, нехватка электричества была одной из самых тяжелых. Почти год как остановились трамваи, погас свет в операционных, на заводах обессилевшие люди вынуждены были вручную приводить в движение станки. Сейчас все зависело от эпроновцев. Всего 27 километров оставалось до западного, такого близкого, казалось, берега. Всего несколько дней до 7 ноября — двадцать пятой годовщины Великого Октября. К этой дате тысячи их товарищей, тех, кто под обстрелами и бомбежками восстанавливал Волховскую ГЭС, монтировал турбины, тянул высоковольтную линию, дали слово пробить первую брешь в плотном блокадном кольце гитлеровских войск, дать ток героическим защитникам Ленинграда.

И они сдержали слово. Почти сдержали... Потому что не слово, а яркий свет вспыхнувших ламп должен был венчать все сделанное. И требовался еще один подвиг, чтобы этот праздник пришел в непокоренный город.

— Ждать, ребята, больше нельзя, — подвел черту старейший водолаз ЭПРОНа Леонид Гурьянович Молчанов. — В ноябре заштормит еще пуще, а там и ледостав. Так что пишите письма родным, надевайте чистое. С утра, коли малость утихнет, выходим...

Молчанов — живая легенда ЭПРОНа. Один из первых советских водолазов, он пережил, испытал, кажется, все, что могла придумать для проверки человеческого мужества коварная морская стихия.

Сам погибал и спасал погибавших, шел на риск и учил бесстрашью других. Суровой зимой сорок первого его находчивость сберегла жизнь многих тысяч голодавших земляков. Для разгрузки потопленных возле Осиновца барж с зерном он предложил использовать инжектор (до того в час по чайной ложке, с огромным риском зерно доставали вручную). Сам установил его, и уже ничто, ни свирепые бури, ни авианалеты, не могли помешать бесперебойной выгрузке драгоценной разбухшей массы, вошедшей в историю блокады под именем знаменитой «молчановской» каши.

И вот теперь снова жизнь многих была в его руках. Утром шторм пошел на убыль и маленький караван — буксир, баржа и тендер — вышел в свой последний героический рейс. 27 километров — это девяносто трехсотметровых отрезков кабеля, девяносто бесконечных остановок под непрерывающимся свинцовым ливнем. Но как бы ни лютовали выстроившиеся в карусель «юнкеры», соединенные тяжелыми стальными муфтами отрезки кабеля должны точно лечь на дно.

Молчанов и его товарищи не рассчитывали вернуться из того рейда живыми. Но бог войны и в самом деле благоволит к храбрым — случилось чудо, и они потеряли лишь двоих.

7 ноября 1942 года был дан са-

люют в честь героев. Салют из десятков тысяч электрических лампочек, вспыхнувших в ленинградских квартирах.

Высокими наградами отметила Родина подвиг водолазов. Свое достойное место занял он в летописи Великой Отечественной войны.

...Прошли годы. И однажды мальчишка, впрочем, достаточно уже взрослый, правнук Леонида Гурьяновича, немало слышанный о своем известном предке, спросил его дочь: «Бабушка, а что он в войну-то делал? Был под водой, это я понимаю. А на фронте не был?»

— Растерялась, расстроилась я тогда, — вспоминает Маргарита Леонидовна Молчанова. — Ведь отец был знаменитым человеком. Высокий, могучий вятич, он происходил из большой крестьянской семьи, где за обеденный стол садились сразу девятнадцать человек. В 1915 году стал рекрутом, вскоре после революции попал в водолазную школу и отдал своей нелегкой профессии более полувека. Опасностей, приключений, что выпали на его долю, хватило бы, наверное, на несколько приключенческих романов. Он поднимал крейсер «Олег» и башни линкора «Императрица Мария» в севастопольской бухте, строил Днепрогэс, разгружал снаряды, олово, свинец с затонувшего в Архангельском порту парохода «Барон Дрейзен», возводил мосты на сибирских реках... Чистых два года под водой! Вряд ли кто и по сей день побил этот рекорд. Музеи — военно-морской и истории Ленинграда — хранят материалы о жизни водолаза Молчанова. Не забывают его старые товарищи. И все же положила руку на сердце спросила я себя: «Чего стоит эта слава, если даже правнук (родная кровь!) знает о Леониде Гурьяновиче лишь понаслышке. Моя, только моя вина в этом...» И я, как сумела, искупила ее.

Так Маргарита Леонидовна Молчанова стала историком. Историком собственной семьи, кропотливо и бережно собирающим воспоминания, награды, письма, документы, фотографии, относящиеся к жизни тех, кто начинал и продолжает отцовский род.

Несколько толстенных, тщательно оформленных альбомов — итог этой работы. А ее смысл очень точно выражен простыми, идущими от души словами, которыми открывается самый первый, отцу посвященный альбом:

«Мой отец, а ваш прадедушка был корнем жизни нашей семьи. Ваш дедушка во время Великой Отечественной войны носил звание офицера и в мирное время часто рисковал собой, выполняя очень сложные работы. Он не нажил никаких капиталов, но зато оставил фамильное достояние в своем труде. Его руками под водой перестраивались и укреплялись оборонительные сооружения на Балтике, в Кронштадте. Его руки помогали вернуть из-под воды затонувшие корабли, продукты, спасавшие жизнь голодавших ленинградцев. Это его руки тянули по дну суровой Ладоги электрический кабель, вернувший свет нашему городу.

Вы будете расти и все больше понимать, что дедушка оставил вам бесценное наследство — верность дому, Родине, трудолюбие, храбрость. Все это он оставил вам

на вечное хранение. Приумножайте эти богатства».

Род Молчановых связан с судьбой Отечества и героическими простыми житейскими делами, не отмеченными орденами, но отмеченными искренней человеческой благодарностью.

«Нет мамы, кроме мамы» — так назвала Маргарита Леонидовна альбом, посвященный своей матери Евгении Ивановне Молчановой.

«Ваша бабушка смолоду жила в Ленинграде, на Васильевском острове, недалеко от Академии художеств. Она очень любила свой город и старалась многое сделать для него. Она очень любила свою страну и в тяжелые минуты старалась помочь ей чем могла.

...Была на Украине засуха, и огромное число людей остались без хлеба. Спасаясь от голода, в Ленинград стали приезжать мальчишки. Они просили у прохожих поесть, а по ночам прятались в подвалы и на чердаки.

Когда им не удавалось выпросить у людей еды, они воровали... Беспризорных ребят определяли в детские дома.

Мама Женя принимала самое активное участие в оказании помощи этим несчастным ребятишкам. Она работала в комиссии по ликвидации беспризорности, ходила на ночные облавы, отыскивая спрятавшихся пацанов в сараях, трубах и т. д.

А однажды под утро она привела в дом продрогшего, с лицом, распухшим от слез, мальчика по имени Андрюша и сказала, что, пока не устроит его в детский дом, он поживет у нас.

Мамочка помыла его, накормила и просила нас быть к нему ласковыми и внимательными. И мы очень старались. Сначала не очень хорошо его понимали, так как говорил он по-украински и очень быстро. Но постепенно стали разбираться в его словах, а он в наших, и мы стали хорошими друзьями, тем более что очень скучали по недавно погибшему братику.

Прошло немного времени, и Андрюша после вечерней прогулки неожиданно привел в дом еще одного чужого мальчика, объяснив, что звать его Данилка и что он из его деревни. Наша добрая мама не отправила нежданного гостя на улицу: помыла его, накормила и оставила ночевать. Стало нас в доме четверо детей: я с сестрой и два мальчика.

Мама не очень настойчиво хлопотала об устройстве их в детский дом, потому что ни Данилка, ни Андрюша никуда от нас не собирались уходить. Они успели так полюбить нашу семью и особенно милую, добрую маму, что стали ласкаться к ней, как к родной матери. Мама обнимала их, целовала и плакала. Ей самой было жаль с ними расставаться.

Но вот из очередной командировки приехал отец (ваш дед Гурьяныч). Он тогда был красивым, загорелым, выветренным морским воздухом матросом-подводником. Посмотрел он на пацанов, выслушал маму про ее заботы-хлопоты и не долго думая сказал: «Да пусть живут парни, хватит нам, Женя, денег, прокормим. Ты только быстрее их к учебе пристраивай, надо, чтобы ребята грамотными стали...»

Мамочка наша очень обрадовалась. Она устроила ребят учиться с учетом их наклонностей, увлечений. Андрюша был определен в школу при Академии художеств

(он хорошо лепил из глины), а Даня стал обучаться поварскому искусству (любил он это дело).

Позже, много лет спустя, Андрюша стал известным скульптором, преподавателем Киевского художественного института, а Даня до самой пенсии был коком на кораблях дальнего плавания во Владивостоке. Так мама Женя определила их трудовой путь на всю жизнь.

...Евгения Ивановна была не только домохозяйкой, она стала депутатом Василеостровского райсовета, и жильцы дома привыкли поверять свои заботы и радости этой милой, приветливой женщине. Они угадали в ней общественницу в первоизданном, чистом значении этого слова. И какие бы должности Евгении Ивановне ни пришлось занимать в дальнейшем, она никогда не жила только для себя. Из сорока лет замужества мама провела с мужем не более десяти. Он почти всегда в море, она — на работе. На четыре года разлучила война (со своим госпиталем Евгения Ивановна исколесила немало фронтовых дорог). И все же, несмотря на частые разлуки, это был прочный, освященный взаимной любовью союз.

Евгения Ивановна рано ушла из жизни. Почернел, осунулся от горя отец, и, глядя на него, Маргарита Леонидовна с болью думала, что недолго, видно, будет одинокой скромная могилка матери на сельском кладбище (похоронили ее за городом, в поселке, где семья много лет снимала дачу). Суровый, немногословный отец никогда не показывал своих чувств. А здесь заплакал, и дочь понимала, что эти его слезы страшнее любой болезни.

Вскоре из Киева доставили большой, белого мрамора памятник, любовно сделанный руками Андрея. Везли за город, устанавливали его моряки — сослуживцы Леонида Гурьяновича.

Вернувшись домой, отец сказал дочери: «Не бойся, плакать больше не буду. Она прожила прекрасную, нужную людям жизнь, и я свою доживу так же». Леонид Гурьянович снова надел скафандр и до семидесяти лет (уникальный в мировой практике случай!) ходил под воду, потом еще более десяти лет был консультантом.

У могилы Евгении Ивановны впервые встретились два дотоле малознакомых человека — Андрей Клименко и Геннадий Кравцов. У них разные фамилии, но оба считают, что общей могла быть одна, молчановская. Потому что Геннадий в какой-то мере повторил судьбу Андрея, несколько лет прожив в доме Маргариты Леонидовны.

Вот он на фотографии — тощенький паренек с лихой татуировкой поперек груди «Эх, Одесса». Это Геннадий в бытность свою станичным хулиганом.

Сам он из-под Краснодара, а в Ленинград попал после армии. Пошел в техническое училище, где впервые встретился с Молчановой-замполитом. Он сразу обратил на себя ее внимание какой-то неприкаянностью. Видела, парень тянется к хорошему, но прорывалась, давала себя знать и старая закваска, что едва не сгубила его в юности. Хорошо, в армию вовремя призвали.

Она не стала мудрить с педагогическими подходами. Поняла, что в неустойчивом, разнородном кол-

лективе общежития ему не место. Взяла за руку, привела к себе домой, поставила раскладушку и сказала: «Живи, места хватит». Места и в самом деле хватало — Леониду Гурьяновичу выделили в коммунальной квартире старого дома на Петроградской стороне две комнаты размером с небольшую городскую площадь. Молчановы, люди нетребовательные, «выбивать» положенную по заслугам квартиру не стали и площадью этой были довольны вполне, оттого что искони не мебелью, а гостями и воспитанниками был счастлив их дом.

Ко двору пришелся и Геннадий. Леониду Гурьяновичу еще один внук, ей еще один сын. Парень оказался золото. И сердцем и руками. Расстались недавно, когда, женившись, получил он от завода комнату в общежитии. Маргарита Леонидовна рекомендовала его в партию, и сейчас он один из лучших прессовщиков трубопрокатного цеха «Красного Выборжца».

О нем не раз писали в газетах, и когда одна из них, с большим портретом сына, дошла до станицы, мать, говорят, обревелась от счастья, бегала с газетой по селу: «Мой-то не в тюрьме, а в люди вышел!»

...Бережно листаю плотные пожелтевшие страницы. Вот фотография самой Маргариты Леонидовны. Да какая же она красавица в свои двадцать лет!

В двадцать лет она попала на фронт. Их Коммунистический политико-просветительный институт послали на окопы в Суйду, и там к ней подошел моложавый, воевавший еще в Испании, полковник-летчик. «Слушай, дивчина, выручай. Жена только что родила, а здесь, знаю, скоро будет окружение. Надо срочно эвакуироваться, ей с двумя не выбраться. Я тут поговорил, да и сам вижу, ты человек надежный. Помоги, а я за вас в небе рассчитаюсь».

Она больше никогда не видела этого летчика. Но просьбу, которую ей велели считать первым военным комсомольским поручением, выполнила — благополучно довезла семью авиатора до Казани. И сразу же пошла в военкомат. Отчиталась о сделанном и попросилась на фронт. Ее направили в тыловую госпиталь. Но она настояла на своем, обратилась в Москву, в военно-санитарное управление. Там пригляделись повнимательнее, буквально на свет проверили документы, почему-то спросили: «Плавать, на лыжах ходить умеешь?» Она ответила: «Имею разряд...» «Тогда вот, держи направление. Но даже матери не говори, куда едешь».

Она стала курсантом спецшколы. Матери не проговорились, лишь намекнула в письме: «У меня на шинели голубые петлички и серебряные птички». Позже узнала, что мать, человек опытный, после этого намека места себе не находила, хорошо понимая, куда могут забросить ее эти самые птички.

Ей и в самом деле пришлось воевать на пяти фронтах, прыгать с парашютом, драться в тылу. Повторяю, в свои двадцать с небольшим она была на редкость красива. Но тогда, на Курской дуге, Маргарита была прежде всего медсестра. И когда увидела, как из люка нашего подбитого танка тянется, пытаясь приподнять тяжелую крышку, горящая человеческая рука, не задумываясь ки-

нулась на помощь, хоть и знала, что за танком прячутся, отстреливаясь, враги.

Она успела откинуть крышку, вытащить механика. Но не успела отклониться от тяжелого удара прикладом, изуродовавшего ей лицо, выбившего все жемчужной белизны зубы. Подоспевшие ребята-десантники искололи фашистов штыками. А она вернулась из госпиталю старухой — беззубой, седой. От соболезнующих взглядов не пряталась, когда шла к своей землянке, голову держала прямо. А там рухнула, разрыдалась на руках подруги: «Знаешь, как я хотела иметь семью, детей».

Время сгладило шрамы, подавило счастье. В работе Маргарита Леонидовна была в числе тех, кто создавал, совершенствовал ныне знаменитую ленинградскую систему профтехобразования. У нее выросли сын, дочь, подрастают внуки. По выходным они приезжают к ней на Петроградскую сторону, и вновь оживают шумом, смехом просторные комнаты. Здесь хватает места и для прятков и для пятнашек, необыкновенно вкусен бабушкиной заварки чай, бесконечно интересны ее рассказы, воспоминания. Но однажды внуки дружно обиделись: «Мы что, не люди еще? Почему обо всех взрослых есть альбомы, а о нас ни одного?» «Альбом надо заслужить, — усмехнулась она. — Ну-ка, скажите, что вы успели сделать для Родины?»

Ничего не ответили ребята, лишь переглянулись хитро. А в следующее воскресенье притащили кучу своих фотографий, грамот за успехи в учебе, спорте, а младший, зажав в кулачке значок, похвалился: «Это мой первый орден, дали за то, что научился плавать».

Аргументы были весомыми, и в доме появился еще один альбом — «Готовь себя к подвигу». Между прочим, оказался отличным стимулятором школьных и общественных успехов юных Молчановых.

Сегодня главное действующее лицо — старший внук Дима. За семейным столом сидит он на месте прадеда, пошел в него красотой, статью и тоже твердо решил быть подводником. Пока не получилось, после восьмого класса туда не берут. Для закалки характера пошел под землю, поступил в ПТУ, где готовят проходчиков метро. На будущее планы четкие: отслужить в армии (если повезет — на флоте), а потом — в водолазную школу. С удовольствием примеряет тельняшку прадеда, но носить не отваживается, считает, что не имеет права.

Вот так возвращается жизнь на круги своя.

...Все, что я рассказал, лишь малая толика того, что хотелось бы и нужно еще рассказать об этой необыкновенной и вместе с тем такой обычной ленинградской семье, богатой талантливыми мастерами, счастливой прожитым и наследниками. Но меня тревожит, не оставляет одна мысль: как часто, общаясь светлую память о тех, кто ушел, их делах, подвигах, забываем мы, что это трудная, но святая работа души и сердца живых. И пускаем эту работу на самотек, пожиная потом горькие плоды равнодушия в глазах наследников, не помнящих своего родства.

Уверен, что внукам Молчановых не грозит эта участь.

В ОТСВЕТЕ КАЖДОГО

**Владимир
ОСИНИН**

БАРРИКАДЫ ПРЕСНИ

Вдруг вечер тот зимний
Так зримо воскреснет...
Булыжная насыпь,
И флаги над нею — огнем.
О баррикады рабочей Пресни!
Я вновь поднимаю вас
В сердце моем.

До капельки крови
Держаться готовясь,
Прочь отгоняю
Усталость и страх.
Красная Пресня —
Ты наша совесть,
Тобою мы меряем
Каждый свой шаг.

Нас жизнь на легенде твоей
Воспитала.
И нет, не проигран
Неравный тот бой.
И если бы все
Повторилось сначала,
Я был бы на тех баррикадах
С тобой!

**Юрий
МЕЛЬНИКОВ**

ИЛЬИЧЕВО ПОЛЕ

То было давней явью,
было фактом
И радостью в коммуне
через край,—
Прислал Ильич в «Свободу»
первый трактор
Как раз к началу сева
на Алтай.
И потому в голодном и суровом,
В далеком том
двадцать втором году
Засеянное поле
Ильичевым
Назвал народ
в весеннюю страду.
Пшеницею безбрежною шумело,
И в наши дни
тут от хлебов светло...
Коммуны первой начатое дело
Через сердца потомков пролегло.
И не окинет взгляд
его раздолья,
Вдали едва виднеются стога...
И даже горсть земли
с такого поля
Для памяти особо дорога.

**Тамара
КОЛОМИЕЦ**

ДУМА О РОДОСЛОВНОЙ

Как упал же он с коня
да на белый снег...
П. Тычина.

Я древнего дерева поросль,
Не выжженная у пня.
Встает из веков, как совесть,
Тот, кто упал с коня.

В дворян родословные списки
Моя не вносилась родня,
Но кровью в историю вписан
Тот, кто упал с коня.

Кто в бой вел народную силу,
Господ именитых кляня,
Врагов этих в битвах не миловал
Тот, кто упал с коня.

Сроднившись с народной волей,
С зарею грядущего дня,
Он бился за лучшую долю,
Тот, кто упал с коня.

Их славили всех поименно,
Но плакала наша родня —
Он был моим дядькой Семеном,
Тот, кто упал с коня.

Постигла я истину истин,
У Вечного стоя огня:
В душу
народа
вписан
Тот, кто упал с коня.

Перевел с украинского
Юрий Саенко.

**Аминат
АБДУЛМАНАПОВА**

Хотела б я
Разрушить все границы
И учредить
Республику одну,
В которой бы
Лучились счастьем лица
И люди позабыли
Про войну.
Пока земля
Потемками объята,
Молю я
Небо городов и сел,
Чтоб дождь любил
На сакли и на хаты,
На кирпичи островерхие
Сошел;

Чтоб люди
Только от любви страдали,
От недостатка
Самых добрых слов,
И повсеместно в жизни
утверждали
Один закон —
Всеобщую любовь.

Перевел с даргинского
Валерий Латынин.

**Какимбек
САЛЫКОВ**

АЙНАЛАЙН

Г. А. Анчабадзе.

Мой друг сказал:
— Прости, что беспокою.
Хоть все слова у вас и хороши,
Открой грузину именно такое,
Чтобы всегда звучало от души.
Сказал я:
— Айналайн! А если нужно,
То вот его условный перевод:
Кружусь вблизи тебя я
с чувством дружбы,
Хожу вокруг тебя из года в год.
И нет у нас, я повторяю снова,
Прекрасней и нежней, чем это
слово:
Айналайн! Айналайн! Айналайн!

Луна уходит, чтобы показаться
Опять нам на кругах своих орбит.
И «айналайн» от веку на казахском
Признанием самой любви звучит.
Смягчает горе, притишает муку:
Ведь «айналайн» на нашем языке
И к младшему мы обращаем

другу
И к огонькам аула вдалеке.
Нет, нет у нас, я утверждаю снова,
Прекрасней и нежней, чем это
слово:
Айналайн! Айналайн! Айналайн!

Мать это слово как бы дарит
детям,
Отец, гордясь собою, — сыновьям.
И я дышу влюбленно в ясное
свете.
И я спешу волною к берегам.
И я кружу вблизи огня под песню
Под стать шаману в северной
глуши.

Мой друг!
Сказать ты вправе честь по чести
Кому-то «айналайн» от всей души.
Ведь нет у нас, я заверяю снова,
Прекрасней и нежней, чем это
слово:
Айналайн! Айналайн! Айналайн!

Остался я непонятым едва ли.
Сказал мой друг:
— В грядущем далеке
Должны бы «айналайн»
и «генацзале»

Остаться во всемирном языке!
Все кружится: и солнце над
Отчизной,
И мир любви, и мир иных забот.
Стоит на этом продолженье
жизни —
Свершается судьбы круговорот.
И нет у нас, я заверяю снова,
Прекрасней и нежней, чем это
слово:
Айналайн! Айналайн! Айналайн!

Перевел с казахского
Владимир Савельев.

**Алексей
МИШИН**

В краю родном
И куст мне дом,
Постель — солома в поле.
В краю родном
Живут не злом,
Добром на вольной воле.
Озер чужих не надо мне,
Не льнет душа к чужой волне.
К чужим лугам не выйду сам,
Не запою, как птица,
В чужом краю из родника
Так вкусно не напитокся.
В краю родном
Светло кругом,
Румян рассвет и ночь бела.
Чужая даль — тоска-печаль,
Своя земля — в горсти мила.

**Моисей
ЕФИМОВ**

Здесь ты услышишь янский говор,
И в смехе озорных девчат
Журчанье влаги родниковой
И клик лебяжий
Зазвучат.

Здесь ты услышишь янский говор,
И в громких голосах парней
Уловишь гул потоков горных,
Бунтующих среди камней.

Здесь ты услышишь пенье Яны,
И песнь, прозрачная, как лед,
И в высь орлиную
Потянет
И в глубь истоков
Поведе!..

Перевел с якутского
Иван Исаев.

ДНЯ

Алексей
БАДАЕВ

СОДРУЖЕСТВО

На грубую ладонь легло зерно,
вобрав земли живительные соки.
Оно огромно, будто шар земной,
и беззащитно, как ребенок робкий.

Хоть огрубела кожа на руке,
но может стать и ласковой и нежной.
Как зернышко, планета в кулаке
руки рабочей дремлет безмятежно.

Так повелось: зерно и человек
издревле дружат. На весеннем поле
встречаются, чтобы продолжить век,
и осенью, чтоб разделить застолье.

И встречи эти оставляют след,
зерно в душистый обращая хлеб.

Перевела с бурятского
Людмила Букина.

Дмитрий
СМИРНОВ

СТЕРЖНЕВОЙ ХРЕБЕТ

Рабочий класс — двужилый класс,

Так говорили в прошлом веке.
И в этом не было прикрас
И снисходительной опеки.
С него ручьем катился пот,
В цехах с него сдирали шкуру,
А если чахнул от работ,
Его швыряли, что окурок.
Чернел рабочий у горнил,
У наковален закалялся.
И робко выи не склонил —
Остался верен чести класса.
А закалившись, разорвал
Цепей опутавшие звенья.
Годится ли девятый вал
Для искрометного сравненья —
Как бушевал рабочий класс,
Царей бросаая на лопатки,
Как ослепительно зажглась
Его звезда в смертельной схватке,
Зажглась и вознеслась потом
В простор немеркнущих созвездий...

Рабочий класс в пути крутом
Не одного коня объездил.
Коня железного взнуздal,
Врываясь в глушь родного края;

Конь с белой гривой взыграл,
Свет над землею высекая;
И плавок жаркого коня
Запряг старательно рабочий,
Чтоб жизнь по тракту шла, звеня,
А не хирела у обочин.
Рабочий класс — искрящий

сплав —

Все взял от стойкости металла.
Он этим жив, он этим прав,
Ему быть шлаком не пристало.
Он человечества хребет
И стержневой хребет планеты,
И без него опоры нет,
А без опоры жизни нету!

Артур
КОРНЕЕВ

БУДЕТ И В СЫНЕ МОЕМ

На месте развалин снесенных,
временной, заборной глуши
давно мой рабочий поселок
возносит свои этажи.

И я, сталинградец от века,
как будто с рожденья привык
к гранености чистого света
аллей тополиных прямых.
Привык я как будто заране,
пожалуй, к самой новизне:
колосья скульптур на Кургане
извечными кажутся мне.
Но есть в моем светлом поселке
клочки той железной земли,
неброские, словно осколки,
что глубже других залегли.
Притих за оградой никчемной,
собою сгустив полумрак,
мой бывший, на снос обреченный,
2003-й барак.

Он в улицу смотрит устало,
он в чем-то был ровнею ей:
в его простыневых кварталах
мы жили —
полсотни семей!
И жизнь была цепкой и яростной,
был голоден каждый и храбр.
Слагал я на койке двухъярусной
стихи под сопенье и храп —
о детстве счастливом,
о соколе,
который мне счастье принес.
И были те чувства высокими,
кристалльными были
до слез!

Заране —
к полночи, помню, —
я в очередь хлебную шел,
чтоб номер был вписан в ладонь мне

химическим карандашом.
Но в детстве едва ли напрасно
открылась та истина мне,
что в самой живу я прекрасной
и в самой великой стране,
что доле самую лучшей
с рождения я наделен.
Мне мать приносила с полочки
гостинцы суровых времен.
Казалось, не сдвинуть в столетья
тот холод, руины и мрак...
Великой эпохи свидетель —
стоит мой рабочий барак.
Еще его песня не спета
и только за тридцать ему,
но он свое место проспекту
уступит
и канет во тьму.
Исчезнет и званье утратит,
ничто не напомнит о нем...
Останется только характер,
что будет и в сыне моем.

Орден Славы
I степени

К 40-ЛЕТИЮ УЧРЕЖДЕНИЯ ОРДЕНА «ПОБЕДА» И ОРДЕНА СЛАВЫ

ЗВЕЗДЫ РАТНОЙ ДОБЛЕСТИ

С особым подъемом и радостью встречал наш народ 26-ю годовщину Великого Октября. Сивозым пожарами и пламенем сражений все отчетливее выдвигалась желанная Победа! И вот, словно отвечая этому радостному настроению, центральные газеты опубликовали Указы Президиума Верховного Совета Союза ССР от 8 ноября 1943 года об учреждении орденов «Победа» и Славы трех степеней.

Орден «Победа» представляет собой выпуклую рубиновую звезду, осыпанную бриллиантами. Их общий вес — 16 каратов. Металлическая основа — платиновая. Орден Славы I степени — из золота; II степени — серебряный, а круг, на котором изображена Спасная башня, позолочен; III степени — полностью из серебра.

Орден «Победа» является «высшим военным орденом, которого удостоиваются лица высшего командного состава за успешное проведение таких боевых операций в масштабе нескольких или одного фронта, в результате которых в корне меняется обстановка в пользу Советской Армии».

Орденом Славы, согласно статуту, «награждаются лица рядового и сержантского состава Красной Армии, а в авиации и лица, имеющие звание младшего лейтенанта, проявившие в боях за Советскую Родину славные подвиги храбрости, мужества и бесстрашия».

Еще не минуло и двух недель со дня публикации Указа, как стало известно имя первого воина, удостоенного новой солдатской награды. Обеспечивая прорыв танков через передний край обороны, сапер 140-го стрелкового полка сержант Г. А. Израэлян остался у нашей подбитой машины и возглавил круговую оборону. Вместе с экипажем он отбивал многочисленные атаки и лично уничтожил двадцать фашистов. 17 ноября 1943 года Г. А. Израэлян награжден орденом Славы III степени. Герой-сапер прошел всю войну и стал полным кавалером ордена Славы.

Вскоре после первого награждения стали известны имена воинов, удостоенных ордена Славы II степени. Рядовые С. И. Баранов и А. Г. Власов из 665-го отдельного саперного батальона, ранее награжденные орденом Славы III степени, отличились при подготовке ночью проходов в многорядных проволочных заграждениях противника на берегу реки Прони. Оба героя с честью дошли до Берлина и стали полными кавалерами этого ордена.

Имена воинов, первыми награжденных орденом Славы I степени, страна узнала в июле 1944 года. Это были сапер 338-й стрелковой дивизии ефрейтор М. Т. Питенин и помощник командира взвода 110-й отдельной дивизии К. К. Шев-

ченко. Однако их орденские знаки не имеют первых порядковых номеров. Орден Славы I степени № 1 получил старший сержант Н. А. Залетов, награжденный в октябре 1944 года.

В большой семье полных кавалеров ордена Славы есть четыре отважные дочери советского народа: снайпер сержант Н. П. Петрова, воздушный стрелок-радист старшина Н. А. Журкина (Киен), пулеметчица сержант Д. Ю. Станилине (Маркаусене), санинструктор старшина М. С. Нечепурнова (Ноздрачева). Еще четверо полных кавалеров этого солдатского ордена стали Героями Советского Союза: артиллерист гвардии старший сержант А. В. Алешин, летчик младший лейтенант И. Г. Драченко, пехотинец гвардии старшина П. Х. Дубинда, артиллерист старший сержант Н. И. Кузнецов.

В героической летописи Великой Отечественной войны есть поразительный пример, когда орден Славы украсил грудь сразу всех рядовых и сержантов целого батальона. За Вислой, на пулавском плацдарме, 14 января 1945 года 1-й батальон 215-го гвардейского стрелкового полка стремительной и дерзкой атакой ошеломил врага, буквально таранил его неприступную оборону и обеспечил продвижение вперед частей дивизии. Военный совет 69-й армии специальным решением присвоил подразделению почетное наименование «Батальон Славы».

Всего орденами Славы награждены более 970 тысяч представителей всех родов и видов войск, а полными кавалерами ордена Славы стали 2602 воина.

1944 год. Стратегические операции зимней кампании развернулись на огромном фронте и были с блеском осуществлены советским командованием. Масштабы и результаты операций соответствовали статуту ордена «Победа». 10 апреля 1944 года заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А. М. Василевский первыми были удостоены этой самой высокой полководческой награды. Орден «Победа» № 1 вручили Г. К. Жукову, а № 2 — А. М. Василевскому. Затем состоялось награждение советских полководцев и военачальников.

Всего этим орденом награждены 17 человек, из них трое — дважды.

Сорок лет минуло с тех пор, как были учреждены звезды ратной доблести полководцев и солдат. Ими венчала благодарная Родина сынов и дочерей, которые героически шли к заветной Победе.

Г. СОЛОНИЦЫН,
полковник

ПОЕЗД ИДЕТ В КУНЕРМУ...

Георгий РОЗОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

Был я в этих краях в ту пору, когда даже оптимисты считали, что еще много лет пройдет, прежде чем на магистрали появятся вокзалы. «Не до них... Ходили бы поезда!» Время внесло свои поправки.

НИЯ

Станция Ния на Западном участке БАМа. Выхожу из вагона на бетонный перрон прекрасного вокзала, оглядываюсь кругом и глазам не верю. Говорят, что здесь болото было!..

Я знал, что Нию строили ребята из Грузии. И душой их отряда был Чомахишвили, главный инженер «Грузбамстроя». Я застал его в Ние случайно. Он здесь в командировке. «Грузбамстрой» еще прошлым летом перебазировался за Чару возводить там второй поселок.

Владимир Иванович Чомахишвили вспоминает времена, когда молодые бамовцы были популярны в своей родной Грузии, словно кинозвезды, а в конторе стояли горы посылок от незнакомых людей. Тоже из Грузии.

— Спасибо добрым людям! Да! Хорошие были времена, — улыбается Чомахишвили. — Жили одной семьей. Семьдесят процентов строителей здесь стали студентами. Экзамены сдавали, почти не отрываясь от работы, сдавали здесь же, в Ние. По поселку разгуливали ручная лосиха Ирма. Она любила галеты и не стеснялась попрошайничать. Подойдет к магазину и ждет. Если никто не угощает, сунет голову в дверь, перекроет тушей дверной проем и вымогает у покупателей любимые галеты. А как ребята работали! Вы знаете, самым страшным наказанием была угроза отослать домой, в Грузию. Когда в восемьдесят втором году началась передислокация на Икабью, мы не могли взять с собой всех сразу. Надо было сначала подготовить новый временный поселок. В контору приходили разгневанные ребята. Уговаривали, просили, грозили, жаловались в райком партии. Сейчас поселок Ния признан лучшим постоянным поселком на БАМе. Двадцать три человека награждены за участие в его строительстве премией Совета Министров СССР.

НА ВЕКА — И КРАСИВО!

Самый большой вокзал на Западном участке БАМа построили

рабочие СМУ «Донское». Сто пассажиров в час — такова его пропускная способность. Снаружи он облицован специальным кирпичом, внешняя сторона которого покрыта глазурью. Это прочный материал. Можно сказать — вечный. В зале ожидания стены мраморные, а пол гранитный. Дворец да и только!

— По проекту стены зала ожидания должны быть просто оштукатурены, — объясняет мне начальник СМУ «Донское» Григорий Васильевич Быта. — А вся эта красота — результат негласного соревнования шефов. Известно, что на нашем участке, станцию Улькан строит Азербайджан, Нию построили грузины, Кунерму — северокавказские автономные республики, Звездную заканчивают армяне. Все они высадились на БАМе раньше нас. Когда сюда приехал архитектор Лев Носов, то первое, что мы сделали, — поехали в гости к соседям. Посмотрели: у грузин вокзал облицован базальтом, у армян, понятное дело, розовым туфом, у азербайджанцев — свой камень, травертин. Красиво, ничего не скажешь.

Вернулся Носов в Ростов. Доложил руководству обстановку и добавил, что, мол, негоже нам отставать. Из областных ресурсов выделили гранит и мрамор. Строить на БАМе трудно. Климат не ласковый, но это полбеды. Далековато строительная база, а ведь сюда каждый кирпич с Дона привезен, каждый гвоздь. И специалистов на все случаи не наберешь. Приходилось на ходу учиться. Когда начали отделочные работы в здании вокзала, выяснилось, что во всем СМУ только один человек умеет работать с камнем — кабардинец, бригадир комплексной бригады Шура Кагирович Кануков. Он и обучил своих каменщиков. Лихо трудились ребята. Клали по два метра мрамора за смену. И качество, как видите, отменное. Канукова наградили орденом Трудового Красного Знамени уже здесь, на БАМе.

Григорий Васильевич — патриот своего поселка. Да это и неудивительно. И в разговоре со мной то невзначай подчеркнет, что ко-

торая в Магистральном самая большая, то припомнит, что в Ние, мол, всего девять домов, а у них двадцать четыре, то скажет вдруг, что СМУ «Донское» построило не просто школу, а школу-интернат.

Не берусь судить, какой из поселков и вокзалов Западного БАМа лучше. Мне понравились все. Каждая республика относилась к своей стройке с азартом, который, несомненно, делу не повредил. Выросли в таежной глухомани вокзалы-дворцы, готовые дать приют и тепло промерзшим в сорокаградусный мороз путешественникам. Уверен, что пассажиры не сочтут мраморные стены и гранитные полы архитектурными излишествами. Хотя, должен признаться, встретился мне такой суровый критик, который, глядя на бамовские вокзалы, вопрошал: «А стоило ли огород городить?» И посланцы республик единодушно отвечали: «Стоило!»

ДЕЛО БЫЛО ВЕЧЕРОМ...

Жилые дома в Магистральном такие же, как и в любом другом постоянном поселке БАМа, — пятиэтажные или двухэтажные. Толщина кирпичных стен — девятью сантиметрами. Такому дому никакие морозы не страшны. В квартирах просторные прихожие, почти десятиметровые кухни, несколько кладовочек. Одна из них примыкает к кухне. Она с секретом: наружная стенка тонкая — всего два кирпича. Зимой там всегда холодно, а значит, можно хранить запасы картошки, бочонок с соленьями грибами и другую снедь.

В одной из таких квартир живет автокрановщик Геннадий Будусов. На БАМе он уже восемь лет. Доволен и работой и квартирой, но предвещает его особая гордость... подвал соседнего пятиэтажного дома. Встретились мы с ним там вечером. Представьте комнату площадью тридцать квадратных метров, превращенную в спортзал. Турник в углу, кольца, боксерская груша и много-много «железа»: гири, наборные гантели, две штанги и, наконец, стол для пинг-понга. Здесь коротают вечера многие жители Магистрального. Большинство когда-то были приглашены на партию в настольный теннис, а потом стали завсегдатаями. Будусов проводит здесь занятия секции атлетической гимнастики, но не закрыты двери и для тех, кто забегает просто поразмяться.

— Подвальчик выбил для нас главный инженер СМУ «Донское» Владимир Тимофеевич Хомутов. Мы его отремонтировали, оборудовали и вот, видите? — Геннадий гордо оглядел свои владения и добавил: — Если будете писать о нашей секции, упомяните Зубова Геннадия Семеновича. Он у нас тренером работал. Все снаряды сделал своими руками. И штанги тоже самодельные и гантели. Тренер он замечательный. Жаль, что пришлось ему уехать домой — в Европу: дочка заболела. Но мы Геннадия Семеновича не забываем, и секция его здравствует.

КОРОВА НА КРЫШЕ

— Прошлой зимой в Кунерме корова крышу детского сада проломил. Снега намело десять метров. От дома к дому глубокие траншеи в снегу были вырыты. По ним и ходили. — Машинист пассажирского поезда Лена — Кунерма Александр Петрович Хвостиков нажимает на кнопку прибора бдительности и продолжает: — Когда говорят, что здесь климат суровый, это звучит слишком абстрактно. Нужно видеть, как поезд идет в снежном коридоре. В Кунерме, прежде чем заменить тормозные колодки, надо гору снега перекидать!

Кунерма — последняя станция на действующем участке дороги. Отсюда рукой подать до Даванского перевала. Место это для жизни неприиспособленное. Даже летом здесь частенько выпадает снег. Но пройдет час-другой, и снова светит солнышко, тает снег под ногами, снова лето. А рядом тайга, где много кедра. В этом году особенно хорош урожай кедровых шишек.

— Угощайтесь. — Хвостиков протягивает мне шишку. Поезд несется вдоль берега Нии. Скорость — семьдесят километров в час. Сейчас это норма, а 29 октября 1981 года Александр Петрович впервые разогнал свой тепловоз до такой скорости не без трепета. В тот день торжественно открывалось движение по только что сданному Западному участку. Первый скорый поезд состоял из семнадцати вагонов с почетными пас-

Вокзал на станции Кунерма построили посланцы северокавказских автономных республик * Художники из Азербайджана Исмей Джабаров, Зохран Муталибов и Газанхар Сефиханов * Самый терпеливый пассажир * Зал ожидания на станции Киренга * Малыш Марат Мнееян из поселка Звездный * Вокзал на станции Ния.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Идут по БАМу поезда * Людмила Головина — дежурная по станции Звездная.

сажирями — строителями БАМа. На каждой станции поезд радостно встречали. На каждой станции — митинг. С каждой станции поезд трогался с опозданием.

— Опоздать в Кунерму я никак не мог, стыдно, — вспоминает машинист. — На последнем перегоне надо было бы нагнать, но разрешенная скорость тогда была сорок километров в час. Разогнал состав, и в Кунерму прибыли по расписанию. То ли от радости бдительность начальства притупилась, то ли никому не хотелось праздника омрачать, в общем, меня тогда не наказали. А теперь такая скорость норма.

КВАРТИРЫ ДЛЯ ВЕТЕРАНОВ

— Меня уже когда-то корреспонденты «Огонька» снимали, — улыбается Сахбат Калбалиев. — Тогда я только-только поступил в институт.

Сахбат Калбалиев один из пятнадцати азербайджанцев, работающих в Улькане еще со времени первого десанта. Начинал Сахбат бригадиром плотников, а сейчас он прораб СМУ «Азбамстрой» и студент последнего курса. За эти годы успел дважды испытать волнения и радости отцовства. Согласитесь, непростое это дело работать, учиться и растить детей.

— Вот закончим Улькан, — строит он планы на будущее, — и вернемся в Баку.

— А не боитесь все начинать сначала? Здесь, что ни говори, налаженный быт, квартира, привычная работа, детский садик под боком, — спрашиваю я.

— Нет, — смеется Сахбат, — я очень смелый. А если серьезно, то о нас позаботятся. Недавно наш начальник Гаджиев был в Баку. Там ему твердо пообещали выделить пятьдесят четыре квартиры в Баку и Сумгаите для ветеранов БАМа. Нет, каково? Мы уже ветераны.

Исрафил Исмаилович Гаджиев тоже ветеран. В Улькане он был сначала главным инженером, а последние три года руководит СМУ «Азбамстрой». Как и все другие начальники шефских строительных управлений, он в глубине души уверен, что его республика сделала для БАМа больше, чем друзья-соперники.

— Согласитесь, наш вокзал оригинальнее, даже чуть-чуть элегантнее других. Ну, где еще есть такая мозаика, такой красивый пандус? А металлические решетки вдоль перрона? Ни у кого нет!

— Поднимайтесь к нам, — раздается голос откуда-то сверху. На лесах внутри стеклянного фонаря будущего торгового центра стоит человек в валенках. Это художник Зохраб Муталибов — автор мозаичных композиций.

— Тут не жарко. — Он протягивает мне руку. — Вот привыкаю работать в валенках. Прекрасная вещь... Вам нравится наша работа? Мы хотим, чтобы ульканцы при виде этих панно забывали о сибирском морозе.

— Приезжайте в Улькан! Поху-деть не дадим, — говорит Антонина Лукашина * С бревенчатой мостовой начинались улицы поселка Ния * Улькан * Почтовый вагон на станции Небель * БАМ работает!

ИНТЕРЕСНЫЕ НАХОДКИ

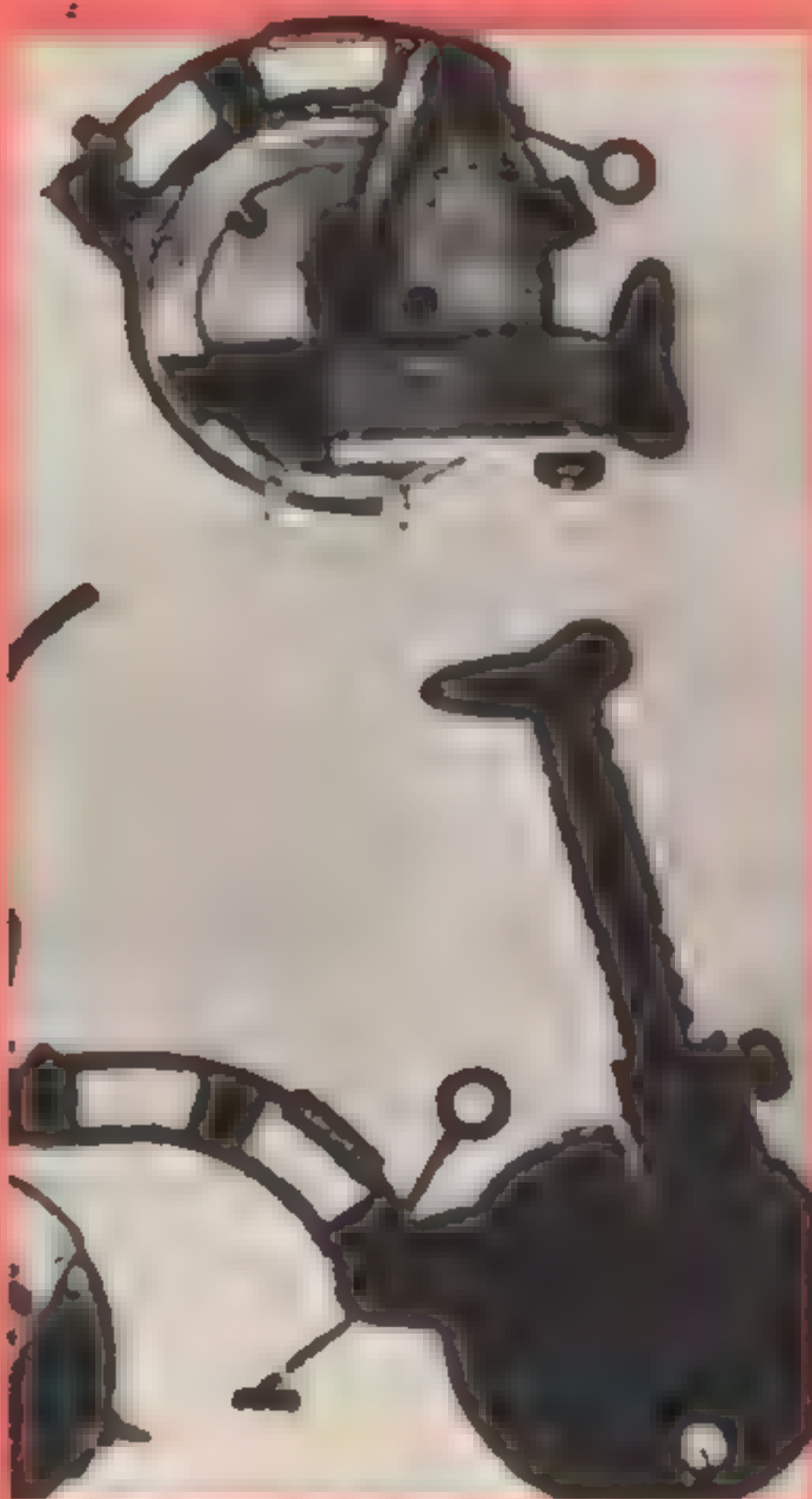
Позади третий полевой сезон археологов Кавказской экспедиции Государственного музея искусства народов Востока. Ее возглавляет известный ученый Александр Михайлович Лесков. Работы ведутся в Краснодарском крае на территории Адыгейской автономной области. Около сорока скифских курганов находятся в окрестностях аула Уляп, часть из них ученые уже вскрыли. В одном под небольшим слоем земли обнаружено место, где воины совершали тризны — обряды по погибшим воинам. Найдены чрезвычайно ценные предметы, принадлежавшие скифам: золотой ритон — сосуд для питья вина; серебряный ритон с позолотой, украшенный головой Пегаса; золотая гривна, бляшки.

На кубанской земле уже более трех тысяч памятников истории и древней культуры взято под охрану государства. Это курганы в степи и дольмены в горах, а также города-колонии:

Фанагория, Гермонасса, Кепы, Горгиппия, Тмутаракань... Здесь археологов ожидают новые интересные находки.

На снимке: золотой и серебряный ритоны скифов, найденные в Уляпском кургане. Фото Е. Шулепова (ТАСС)

СКЛАДЫВАЮЩИЙСЯ ВЕЛОСИПЕД

Складной зонт прячется в нармани, сумка в сложенном виде чуть больше кошелька, а чемодан — чуть больше сумки... Стремление к удобству толкнуло человека на изобретение предметов, которые умеют складываться. А этот велосипед, если его сложить, — чуть больше диаметра собственного колеса. Его изобрел не-

давно англичанин Хуан Жумовский. Вместо цепной передачи — стержневой привод, вместо колеса со спицами — цельное колесо. Эти изменения в конструкции велосипеда упрощают и удешевляют его производство.

На конкурсе велосипедов будущего, который проводился Британским бюро велотуризма, он занял первое место.

На снимке: победитель конкурса велосипедов будущего. Вверху — в сложенном виде.

ЗАБОТЛИВАЯ ХОЗЯЙКА

Вы разбили пустую бутылку. Что же, это пустяк. А вот на заводах — молочных, пивных, ликеро-водочных — бой посуды — это целая проблема, точнее, бедствие. И главный виновник — бутылкомоечные машины, несовершенство их конструкции. Бой достигает пяти процентов, а это сотни тысяч бутылок в год.

Недавно начальник инструментально-сборочного цеха Мелитопольского завода продовольственного машиностроения имени В. Воровского К. М. Амиров и слесарь-наладчик А. С. Варовенно разработали и оснастили машину устройством, благодаря которому она забо-

тится о каждой бутылке, как рачительная хозяйка о семейном фарфоре.

Парные рычаги нового устройства удерживают бутылки от колебаний при передаче их на транспортер. При выгрузке действуют две пары приводных рычагов, крепко удерживающих бутылки.

Выпуск машин для мойки посуды с устройством, созданным мелитопольскими изобретателями, дает значительную экономию.

На снимке: К. М. Амиров и А. С. Варовенно у разработанного ими устройства.

СОРИНКА И БОРМАШИНКА

Крохотная соринка — ее и не различить невооруженным глазом. А сколько неприятных ощущений вызывает она, попадая в глаз! Особенно хорошо это знают работающие в металлургической и угольной промышленности. И даже после ее удаления оставленный «след» еще долго тревожит пострадавшего, снижает зрение.

Врачи-окулисты Донецкой области предложили для удаления омертвевшего участка, который образуется на месте травмы роговой оболочки, применять микроборшину собственной конструкции. Устройство ее несложно. На вал микроэлектродвигателя от детской игрушки через резиновый переходник крепится зубной бор. Контакты микродвигателя подключаются к источнику питания — обычной батарейке — с помощью гибких проводов. Длина их около метра.

После обычного удаления инородного тела приступают к обработке травмированного участка. Включив микродвигатель, кончиком бора осторожно прикасаются к поверхности роговицы, очищая ее от омертвевшей ткани и оставшихся мельчайших частичек. В результате воспаление глаза уменьшается, а след травмы исчезает на второй день.

На снимке: окулист обрабатывает травмированный участок.

Пламя за решеткой

Николай ХОХЛОВ

Теперь редкий день обходится без сообщений о драматических событиях на юге африканского континента. Из Йоханнесбурга и Претории, из Виндхука, административных центров Южной Африки, и Намибии, оккупированной расистами, идет непрерывный поток сведений об убитых, раненых, заключенных в тюрьмы, о карательных экспедициях, о взрывах бомб, о новых драконовских законах колониальных властей, о демонстрациях протеста коренного африканского населения.

Африканцы загнаны в особые поселения — бантустаны, разнородность нацистских концлагерей, за их передвижением, даже на работу, установлена постоянная слежка. Все политические партии и организации африканцев запрещены, как и проведение демонстраций, шествий. Полиция и войска все время настороже, все время находятся под рукой властей. Царит обстановка страха, залуживания, шантажа. Кажется, африканец обречен на покорность, на безропотное прозябание: со всех сторон он окружен внушительной силой подавления, наказания. «Узники молчания» — так окрестили африканцев Южной Африки западные журналисты.

Но молчания нет: его нельзя путать с временным, вынужденным затишьем, когда происходит перегруппировка сил, их подтягивание на новые рубежи, пополнение рядов борцов. И после этого следует очередной взрыв, в результате которого какое-то звено в цепи карательных мер распадается, а десятки тысяч африканцев вновь и вновь заполняют улицы и площади городов, гневно требуя прав на человеческое существование. Эти волны людских потрясений доносят до нас имена руководителей протестов: они становятся известными всему миру, их имена — это символы священной борьбы за свободу и справедливость, символы стойкости, отваги и честного служения долгу.

Об одном из таких людей непрерывного горения мы и намерены рассказать. Речь пойдет о человеке, который вот уже двадцать с лишним лет отбывает пожизненное заключение. Длительное время он томился в тюрьме на острове Роббен, что в семи милях от Кейптауна. Раньше на этом месте находилась колония для прокаженных, собранных со всей страны. Потом этих несчастных людей выдворили и в карцерах разместили политических заключенных; среди них был и Нельсон Ролихлала Мандела.

Необходимо сделать оговорку: пишущий о Нельсоне Манделе сталкивается с трудностями, которые вызваны отсутствием многих материалов за двадцатилетний период его жизни, вернее, его заточения. За этот долгий срок достоянием гласности стала лишь его книга, изданная друзьями, когда Мандела находился уже в заключении, под названием «Нет легкого пути к свободе» и его «Послание», нелегально вынесенное из тюрьмы. Вот и все. Этапы его деятельности, канву его общественной и личной жизни можно проследить по отдельным, порой скудным сведениям, разбросанным в европейской и африканской прессе, по воспоминаниям беженцев из Южной Африки, по рассказам лидеров суверенных африканских стран, которые встречались с Манделой во время его нелегальной поездки по континенту. В энциклопедических справочниках за скупыми и общеизвестными сведениями, как правило, следует дата заключения Манделы, на чем и кончается «биографическая справка».

Тем большее значение приобретает каждая строчка, относящаяся к Нельсону Манделе. Постепенно вырисовывается облик этого незаурядного человека, становится понятнее его характер, более четкие очертания принимают методы его борьбы. Начнем с таких фактов.

Некоторое время назад возник дерзкий замысел: а нельзя ли освободить узника Роббена? Ведь современная техника позволяет осуществить самый, казалось бы, фантастиче-

ский план. Смелых же людей в мире достаточно: взять хотя бы прославленную летчицу Шейлу Скотт...

Когда один из заговорщиков под строжайшим секретом, под честное слово не разглашать того, что будет сказано, сообщил ей о разработанных мерах по освобождению заключенного, отважная летчица моментально дала согласие пилотировать самолет, лишь полюбопытствовав: а надежна ли машина?

Дело, казалось, обрастало верными людьми. Все вроде было продумано: место взлета и посадки, возможные препятствия, подобрана команда, которая в считанные минуты способна обезоружить тюремную охрану, ворваться на территорию тюрьмы, открыть дверь заветной камеры, освободить Манделу, посадить его на борт самолета и...

Но агенты Бюро государственной безопасности ЮАР напали на след группы, и замысел рухнул. Расистские каратели по-своему воспользовались этим провалом и значительно усилили охрану пожизненно заключенного под номером 446/64.

Летом 1980 года ежедневная газета «Фадерланд», выходящая в ЮАР на языке африканс и считающаяся «либеральной», провела довольно необычный эксперимент. В одной из школ, расположенных около Претории, представители газеты предложили учащимся-африканцам в возрасте от семнадцати лет и старше написать краткое сочинение на тему, как им они представляют будущее ЮАР.

Авторы сочинений на эту тему не школьники начальных классов, а молодые люди, понимающие ситуацию в своей стране. Естественно, они не обошлись без резких характеристик правления европейского меньшинства. Но вот что интересно: в сочинениях многократно упоминалось имя Манделы. «У Южной Африки ясное будущее», — написал один из школьников. — Сначала необходимо избавиться от угнетателей, расистов, фашистов, империалистов и колониалистов, и тогда останутся только черные, законные жители Южной Африки. После этого премьер-министром станет Нельсон Мандела». «Кампания за освобождение Нельсона Манделы», — говорилось в другом сочинении, — это шаг, который приблизит страну к свободе. Именно Мандела может разорвать цепи апартеида, и у него много сторонников, которые представляют собой угрозу для нынешнего правительства».

Человек, обреченный, по замыслам властей, на медленную смерть, изолированный от внешнего мира, оказывается, живет в памяти и сердцах людей, жаждущих свободы и справедливости.

Показательно, что значение Манделы в освободительной борьбе понимают не только люди старшего и среднего поколения, но и молодежь, только еще вступающая в самостоятельную жизнь. Время убедительно показало, что в силах властей арестовать и бросить Манделу в камеру, но невозможно арестовать веру в него, его идеалы, его мужественную борьбу. Физическая расправа, какой бы жестокой она ни была, не может ничего поделать с духовными заветами Манделы, с его личностью, какой она запечатлелась в умах и памяти миллионов африканцев. Кто же он, этот «враг номер один» расистского правления, светлая надежда африканцев?

Нельсон Ролихлала Мандела родился в состоятельной семье.

Мандела был старшим сыном вождя племени тембу. В деревне Умтата, где появился на свет Нельсон, находился один из домов вождя. В двенадцать лет Нельсон остался с ма-

терью: отец скончался. Опекуном его был кузен — верховный вождь Тембуленда, как на английский манер называли весь этот район. Родству Нельсона лишь можно позавидовать: вождь Сабата Далиньебо и главный министр Транскея Кайзер Матанзима.

Расистские власти заигрывали с представителями родственного клана Нельсона Манделы, учитывая их влияние на африканские массы. Некоторые родичи Манделы впоследствии оказались типичными африканскими коллаборационистами: они соблазнились на подкупы, на брошенные им чины и звания, на награды и некоторые привилегии.

Многим казалось, что судьба мальчика predetermined: человек из потомственной семьи вождей и сам со временем неизбежно станет вождем. Кроме того, подучится, станет образованным вождем, современным, владеющим европейскими языками, совершающим поездки по всему свету. Будет царствовать в своей провинции, пользоваться почестями, сорить деньгами в европейских гостиницах. Сколько их было и есть, этих разных африканских вождей, покупающих личное благополучие ценой измены своему народу, от которого они так легко оторвались, оставив его на произвол европейских колонизаторов!

Но в Южной Африке были и другие общественные слои: возмужала, идеологически окрепла интеллигенция; изменился рабочий класс, иным стало крестьянство. Происходили коренные преобразования на всем африканском континенте: освободительная волна, возникнув на севере, на западе и востоке, приближалась к югу, неся с собой завораживающее слово «независимость».

Нельсон Мандела был сравнительно легко принят в колледж Форт-Хейр лишь потому, что он из африканской аристократической семьи. У властей был свой расчет: сделать из Нельсона преданного колониальной администрации работника.

В свои шестнадцать лет Мандела впервые принял активное участие в студенческой забастовке. Ему прощали эти «заблуждения молодости», учитывая его происхождение. Посоветовали заниматься спортом, чтобы отвлечь внимание от разных политических кружков, в которых студенты обсуждали политические проблемы. Спорили до африканских петухов, ссорились и мирились, расходились и вновь объединялись в шумную студенческую семью.

В Витватерсрандском университете, куда он поступил после окончания колледжа, Мандела становится признанным вожаком недовольных студентов. Ему запретили выступать на массовых митингах: это был первый удар, нанесенный властями. Тогда политика представлялась ему чем-то напоминающей боксерский ринг: противник атакует, а каков будет твой ответ? Уйти в защиту или же ударом на удар? Нельсон избрал наступательную тактику. В отличие от бокса, где борьбу ведут два человека, один на один, борьба, в которую вступал Мандела, требовала массовости, объединения усилий многих людей. В Южной Африке была такая организация, которая сплачивала африканцев, руководила их действиями. В 1944 году Мандела вступает в Африканский национальный конгресс (АНК).

С этих пор начинается новый период в политической работе Манделы. Дело в том, что АНК, созданный еще в 1912 году в городе Блумфонтейне, традиционно придерживался мирных средств в своих взаимоотношениях с властями: в этом кроется и причина того, что его не запрещали. Конгресс посылал своих представителей в Англию, парламентскому строю которой отдавали предпочтение руководители АНК, во Францию с ее старым революционным лозунгом «Свобода, равенство и братство».

Десятилетия петиций, воззваний, обращений, мирных демонстраций — все это повторялось и сейчас, как в классической драме с одним и тем же текстом, но с другими исполнителями и в иное время. АНК никак нельзя было отнести к пассивным организациям. Нет, он выдвигал, как это случилось в 1945 году, «африканские требования», которые содержали такие пункты: один человек — один голос, равенство всех перед законом, свобода землепользования, аннулирование запрета на перемещение африканского населения.

Конечно, если бы эти требования были приняты властями и исполнены, то какой-то прогресс в положении коренного населения был бы заметен. Но в благие намерения властей мало кто верил: в правительстве даже не хотели разговаривать на эти темы с африканцами, полагая, что они, как это бывало многократно, побунтуют, а потом нужна заставить их вновь приняться за работу, а нет — принудят власти. Сила подавления в Южной Африке всегда одерживала верх.

Имелись в АНК и назревшие теоретические проблемы, но за их разработку отвечал ветеран национально-освободительного движения в Южной Африке, впоследствии лауреат Нобелевской премии президент АНК Альберт Лутули. Его имя было хорошо известно всему миру, как и его стратегия политической борьбы, изложенная в книге «Отпустите мой народ». Он

много писал и говорил об африканском национализме. Что это такое? Какие принципы содержит это понятие? Под этой вывеской выступали люди самых различных убеждений. Африканским националистом считал себя и Маркус Грей, один из основателей panaфриканского движения, выдвинувший всем памятный лозунг: «Африка для африканцев!» Его последователи в ряде стран пошли дальше своего учителя, заявляя и призывая: «Сбросить белых в океан».

Сторонники такого курса мчались очертя голову, не понимая, что расизм белых они заменяют расизмом черных. С более правильных позиций трактовал африканизм национализм Кваме Нкрума, первый президент Республики Гана. Он в целом ряде случаев свои выводы делал из марксистско-ленинского учения, ссылался в своих трудах на исторический опыт Советского Союза и поэтому воспринимался крайне сдержанно лидерами АНК, которые чуждались революционной тактики. Глубокоуважаемый всеми Альберт Лутули, непрерываемый авторитет для тех, кто его окружал, советовал «не дразнить правительство» и в любых случаях стараться поладить с ним.

В 1949 году Мандела в качестве руководителя молодежной лиги АНК обнародовал «Программу действий». Она представляла определенный интерес: наряду с обычными требованиями, апробированными конгрессом, прочно вошедшими в его арсенал, в программе содержались и радикальные меры — бойкот, отказ от сотрудничества с представителями властей.

Мандела ясно понимал, что в новых условиях тактика просьб, вымаливания уступок, сидячих забастовок и т. п. превратилась в тормоз освободительного движения, и сама жизнь с ее суровой, беспощадной действительностью настоятельно требовала более активных, наступательных действий.

События буквально подталкивали африканцев на активный отпор реакции. 21 марта 1960 года в городе Шарпевиле была расстреляна мирная демонстрация. Погибло 69 африканцев. Сотни искалеченных, раненых. Это был вероломный вызов властей Претории не только коренному населению ЮАР, но и всей независимой Африке, всему национально-освободительному движению на африканском континенте. На севере, востоке и западе Африки одна за другой возникали суверенные страны, колониальная система трещала по всем швам, империалистические державы отступали, теряя владения, а здесь, на крайнем юге, движение шло в обратном направлении — укреплялась система угнетения, беспощадно подавлялись любые попытки изменить существующее расовое господство оголтелой группировки европейских выходцев.

Что предпринял АНК? Как уже бывало много раз, конгресс призвал население к общенациональной забастовке, которая и была проведена. По всей стране прокатились волнения и в следующем, 1961 году, в мае, когда власти решили переименовать Южно-Африканский Союз в республику. Мандела, разъезжавший по стране, часто выступал перед служащими, рабочими, крестьянами. Он разоблачал фарс официальной Претории, игру в республику, когда меняется лишь фасад расистского здания, а все остается, как и было, нет, даже хуже, удушливее. «Республика белых» — так назвал он ход властей, а проведенный референдум, в котором африканцы не принимали участия, «европейским базаром на африканской земле».

Власти запретили митинги. Мандела вынужден был покинуть свой дом в Йоханнесбурге. Последовал запрет АНК. Как писал потом Мандела, в этот тревожный период он проживал «где-то в Южной Африке». Друзья и сочувствующие его борьбе помогали ему, как и чем могли, но уйти от полицейских ищеек ему не удалось: его арестовали и доставили в Преторию. Краткий допрос, тюрьма. Затем его освободили.

Становилось очевидным, что для защиты прав африканцев надо было искать новые средства, а накал борьбы не определять только числом забастовок и арестованных. Нельсон Мандела избирается на конференции в Питермарицбурге руководителем национального комитета действий. Создается движение Умконто ве Сизве — Копье нации. Само название выразительно говорит о новой тактике в политической борьбе: введено в повседневный обиход слово «копье», а с ним не выходят

на мирные демонстрации. В манифесте Умконто ве Сизве недвусмысленно было сказано, что из двух путей — смирение или борьба — организация выбрала борьбу, только борьбу. 16 декабря 1961 года члены подпольной организации Умконто ве Сизве провели первую боевую операцию: налетом подвергли правительственные учреждения и здания в Йоханнесбурге, Дурбане и Порт-Элизабете.

В 1961 году Нельсону Манделе удалось нелегально выехать за пределы ЮАР. В Аддис-Абебе он встречался и обсуждал африканские проблемы с выдающимися руководителями новой Африки.

Огромное впечатление произвел на него Алжир, незадолго до этого завершивший победой войну с колонизаторами. С ним беседовали герои отгремевших сражений — командиры и рядовые солдаты, он был в штабе войск и в подразделениях освободительной армии. Опустошения в стране были страшными, народное хозяйство пришло в упадок, но алжирцы не теряли духа: завоеванная свобода окрыляла их и помогала им уверенно смотреть вперед, строить новую жизнь. Мандела выступал перед бойцами, перед рабочими и крестьянами: он видел в их глазах искорки надежды. Трудно передать словами вот эту несомненность народа, гордость за избранный путь, и Мандела отметил это качество людей, перенесших тяжелейшие испытания.

Он возвратился в Южную Африку в январе 1962 года. Удачно сработали старые подпольные связи. Он переезжал из одного района в другой, много ходил пешком, одетый в крестьянскую одежду, обросший бородой. У него не было с собой ничего: ни бумаги, ни карандаша, ни книг. С виду — странствующий безработный, нищий, вроде никаких улик. Ему стало известно, что его заочно приговорили к пяти годам тюремного заключения: за руководство всеобщей стачкой в 1961 году и за нелегальный выезд из страны.

Зная, сколько сделано во время поездок по независимым странам Африки, какой поворот был совершен в тактике АНК при его непосредственном участии, Мандела воспринял приговор спокойно, а своей жене Винни даже

Нельсон Мандела незадолго до ареста.

Фото из архива ТАСС

сказал: «Если бы власти раскрыли всю нашу сеть и узнали наши цели, то наказание было бы куда суровее. Вот почему я рад...»

Его схватили в провинции Наталь 5 августа 1962 года. Он пришел на конспиративную квартиру, чтобы повидать Винни и только что родившуюся дочурку Зинзи. Полицейские разгромили штаб его организации на ферме Ривония, около Йоханнесбурга. Клубок начал разматываться. Сыщики узнали о существовании «М-плана», плана боевых, вооруженных выступлений против расистского режима, плана, разработанного Манделой. Они напали на след человека, которого называли «преступником номер один». Теперь для властей уже не было секретом, что Мандела являлся центральной фигурой при разработке наступательной тактики АНК. Перед следователем сидел именно он, главный руководитель военного крыла конгресса. Прежний приговор суда перечеркивался: осужденного, отбывающего срок заключения, привозили на заседания нового судилища.

Мандела выглядел бодрым, решительным. Он отказался от защиты, считая расистскую Фемиду насквозь фальшивой, продажной, оскорбительной для африканского патриота. Он отбросил саму мысль о возможности защищать себя, а воспользовался процедурой разбирательства для высказывания и обоснования своей точки зрения, для объяснения тактики вооруженной борьбы, своего дела, слившегося с делом всех южноафриканских борцов.

Ему и до этого приходилось выступать перед судом. До нас дошло несколько отрывков из его речей, записанных и переданных в прессу его сторонниками, свидетелями его судебных перипетий. Вот что говорил Нельсон Мандела в августе 1962 года: «Я готов нести наказание, несмотря на то, что знаю, как мучительно и безнадежно положение африканцев в тюрьме. Я выполнил свой долг перед моим народом и страной. Не сомневаюсь, что будущее признает меня невиновным и решит, что преступники — это члены южноафриканского правительства».

Но тогда власти еще не знали, что перед ними «главный саботажник». Теперь же к этому обвинению, тягчайшему в глазах расистских сатрапов, добавились новые, еще более ужасные. Приговор был ясен и без разбирательства «дела Нельсона Манделы». С особой силой это чувствовал сам обвиняемый, и он избрал наступательную тактику, затронув в своей ставшей знаменитой речи на судебном процессе самые злободневные, самые острые проблемы, связанные с борьбой южноафриканского народа, с положением в Южной Африке. Он прямо заявил, что сотрудничал с запрещенной коммунистической партией Южной Африки, но это не означает, что он коммунист. Сказано не ради оправдания, а для восстановления жизненной правды. Не только признал, что был одним из организаторов Умконто ве Сизве, но и обосновал, почему она стала неизбежной ступенью в развитии освободительного движения: режим вынудил перейти к вооруженной борьбе. Одновременно убедительно доказывал, что это отнюдь не террористическая организация. Он и на суде говорил о необходимости объединения всех национальностей в борьбе.

Не выгораживая, не жалея себя, Мандела, судя по его речи, исходил из трезвого анализа ситуации и наносил удары правлению европейского меньшинства в его родной стране.

Пожизненное заключение... Железные двери тюрьмы сомкнулись. Лишь единственный раз сквозь металл тюрьмы на острове Роббен к нам дошло послание Нельсона Манделы. В нем первые фразы — об оружии! Значит, человек не сломлен двадцатилетним пребыванием в тюремных застенках, если рассуждения свои начинает с вопроса о роли вооруженных действий в борьбе за свободу! Он упоминает о грохоте выстрелов в июне 1976 года: это расстрелы в пригороде Йоханнесбурга — Соуэто. Выходит, что узник не совсем отрезан от внешнего мира, он осведомлен о важнейших событиях в Южной Африке. Возможно, что он знает и о судьбе своей милой, преданной, мужественной Винни, ее стойкости. Во время событий в Соуэто она помогала как медицинская сестра на поле боя раненым школьникам. Ее выселили из домика под номером 81 115, что в Орландо Уэст, в том же Соуэто, и сослали в поселок Брандфорт. Ее, мать пяти-шести детей, тоже судили, и она, как клятву верности, повторила слова своего мужа: «Если придется умереть, то я готова и на это. Борьба сейчас идет не на жизнь, а на смерть, потому что жизнь, которой мы живем, нам кажется хуже всего на свете».

«Чочолоза Мандела!» Идти за Манделой! Продолжать дело Манделы! — так можно перевести этот лозунг, скандируемый в наши дни южноафриканскими патриотами.

Николай ИЩЕНКО

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

1

Солдатский мешок на скамье так и не развязан. Василий, полуобернувшись к окну, слушает, хотя встретившийся в лазарете односельчанин уже сообщил ему эту весть. Голос у матери прерывистый, глуховатый, словно из под-земелья:

— Вороньем нагрянули, живую зелень истоптали в огородах лошадьми. К нам — трое. Сорвали с петель дверь... Как раз полдничали мы. Отца — за плечи; костыль не успел прихватить. Сказал петлюровец, видать, старшой: «Не понадобится клюка, на том свете комбедовцев по льготе нагишом принимают...»

Мать обессиленно умолкает. А Василию словно льда набросали за тельняшку, и от этого онемели мышцы. Вмиг согрело висок скупое тепло материного дыхания:

Глаза округлились в восхищенной надежде.

— А ты откуда про «Аврору» слышал?

— Учительница Нина Ивановна в школе читала из книжки. — В голосе парнишки нескрываемая гордость.

— Я со «Стремительного». В сводном кронштадтском матросском отряде ходили на Зимний. — И увидев страдание, отразившееся от разочарования на мальчишечьем лице, пояснил: — Мы «Аврору» поддерживали огнем и штыком. Понял?

— Поня-я-я, — с трудом опразившись от разочарования, медленно протянул парнишка.

Василий все присматривался к нему. Шапка из овчины до бровей прикрыла лоб, рукава ряднинного пиджака удлинены от самых локтей потертым шинельным сукном, сапоги задрали вверх изголодавшиеся по дегтю, аж порыжевшие носки. Память на миг увела Василия в его собственное детство. Все, как у этого, только не было школы с незнакомой учительницей Ниной Ивановной. И нельзя было ни из одной книги вычитать про «Аврору»...

Мир расступался, таял лед на спине, твердость вливалась в мускулы. Теперь уже знал Василий, что веснушчатый парнишка не долго будет ходить в не смазанных дегтем отцовых сапогах — где-то шьют ему настоящие школьничьи сапожки, вместо заплатанного армяка — пальтецо, а на голову — теплую и аккуратную ушанку. Верил в это Василь, потому что знал наверняка: человек с крутым челом и приятным взглядом, с неповторимым устремляющим жестом правой руки помнит и о Мельниковке, ведаёт о мечте Василия и его погибшего отца. Видел всего лишь раз этого человека на броневике и один-единственный раз слышал его голос. Человек с высоким челом уверенно сказал: большевики передадут власть и, стало быть, землю, лес, приходскую школу крестьянам. Не встречал больше Ленина Василий Лученко, а поверил ему навеки. В госпитале, когда пришел в себя от белогвардейского удара штыком, медсестра назвала Василия товарищем красногвардейцем и на Декрете о земле показала все буквы алфавита. Впервые сам прочитал тогда: Ленин. Затянулась рана. Пошел Василий по сухопутью с двумя тысячами посланных Лениным матросов на Украину — защитить землю. В перерывах между боями, на привалах с комиссаром доучивал буквы... Только отца вот не смог защитить, не успел преградить пути петлю-

взвешивая это самое большое богатство, и положил рядом с домашней краюшкой: казенный — ворсистый и темный, как дубовая кора, — почти не отличался от домашнего.

Подняли кружки — мать глиняную, он свою — из гильзы снаряда.

— За хлеб, мама! Чтобы паляницы не переводились и в Мельниковке и в столице.

— Твое здоровье, сынок. — Отпила немного, притронулась к губам кончиком рушника, словно сметала хмель.

Дообедали молча. Не скажешь матери, что не терпится ждать вечера — Василию сейчас бы в село выйти.

— Оксана в лавке теперь, — обронила, словно незначая, мать.

— Продавцом? — переспросил, пряча лицо от смущения.

— Где там! Подсобной. Одним словом, принеси — отнеси. У Труша по-старому в батрачках состоит...

— Как же так? Ну, хотя бы договор у нее оформлен? Через профсоюз?

— Об этом не знаю, — задумчиво сказала мать.

На оконных стеклах прозрачно блестел под мартовским солнцем лед. В округлые проталины виднеется улица с нахохлившимися стрехами хат. Хочется забрести в водянистую рыхлость снегов и отглатывать предвесеннюю влажность ветра. Жаль: мать обидится — только в хату вошел. А она словно бы читала самое сокровенное в раздумьях сына...

— Вышел бы на люди. Воскресенье ведь...

— Да, пожалуй. — Обрадованно и благодарно посмотрел на мать.

Пойти можно в комбед — там теперь председательствует Иван Козаленко. Можно в сельсовет — здесь Грицко Бандурака. Еще в позапрошлом году писал Василию Коваленко: не легко, брат, приходится. С обоими в подпасках ходил, есть о чем вспомнить. Но ведь в самом центре Мельниковки — лавка Труша... Просторная постройка под зеленой жестью, дверь филенчатая из двух створок, а внутри — уже не для вида, а по существу дела — вторая, железом кованная — оберегать богатство. Не шел, почти бежал сюда Василий, наспех здороваясь со встречными односельчанами. Не одному остановить матроса хотелось, да разве посмеешь... Дверь в руке у Василия — что картонка. Хорошо хоть наклонился — за столько лет то ли вытянулся в рост, то ли постройка осела.

Воскресный сход

— Вот там, за воротами... Без суда, без права... Говорят, Харитон Труш направил на нас... Но бог с ними, сынок... Замирилось. Пускай забывается, зарастает бьельем...

И зачем говорит? Сама ведь знает: не забудется. Стоять будет костыль в кочережнике, висеть — армяк на колышке у двери: ни у нее, матери, ни у Василия рука не поднимется убрать с глаз. Пускай кажется, будто прилег отдохнуть в чулане на топчане их батько. Вечный трудяга, искалеченный в детстве выездным жеребцом на панской конюшне. Нет, не забудется Василию и матери этот скупой на улыбку и до застенчивости щедрый на доброту отец и муж, а мельниковской бедноте — выдвинутый волной революции, непримиримый к богатым председатель комбеда Семен Лученко. Хрусталем слезы в глазах у матери, щемящим теплом в груди Василия жить будет.

Ледок на стекле затянуло мохнатым снегом. Кто-то дергает бескозырку из руки Василия. Оглянулся. Соседский парнишка — видать, юркнул незаметно в дверь — бережно поглаживает георгиевскую ленту. Никак, Димка? Так вырос? Но ведь пять лет — немалое время.

— Дядь, а дядь, вы с «Авроры»?

ровцам на Мельниковку... Воспоминания отвлекают от боли.

Мальчонка, чтобы не мешать Василию, проскользнул в дверь. Мать зыкнула ухватом по чугунку. Поставила на столе в глиняной миске похлебку, положила краюшку непропеченного вязкого хлеба.

— Садись, Вась, подкрепишься маленько с дороги, — сказала, винозато отводя глаза от скудного обеда.

Горечь и нежность переполнили душу сына. Склонился над мешком, распутал тесьму. Вынул вначале ситцевый платок в синюю крапинку. Перегнул ткань, набросил на голову матери и неумело завязал концы.

— К лицу? — спросила и словно помолодела в обнове.

— Вы еще у меня красивы, — сказал, отступив и издали залюбовавшись матерью. Кажется, и морщины распрямылись на смуглом, давно увядшем лице. Улыбка всегда его омолаживала. Улыбнулся и сам.

— Спасибо, — молвила мать. Кажется, больше за улыбку, чем за платок.

Достал из мешка связку тарани, бутылку вина. Надрезанную буханку хлеба подержал в руке, по устоявшейся флотской привычке

Настоявшийся на пиве и ржавой тюльке воздух ударил в лицо. По эту сторону стойки утопают в табачном дыму нетесанные столы. Так было всегда. Мать издавна посылала Василия к Трушу за солью. Были здесь и ситцы, сапоги — все что душе угодно. Теперь на полках — обилие клеенчатых кошельков. На стене у козачьей двери — грифельная доска в рамке. Вверху на доске давняя надпись мелом: «По сообщению Государственного банка 1 червонец равняется...» И ниже: «1 миллиону 5 тысячам всех других денежных знаков». Подумалось Василию с радостью: крепчает советский червонец, в достоинстве укрепляется...

— Добрый день. С воскресеньем вас, земляки, — сказал Василий, повернувшись к столу.

Оттуда откликнулись дружно:

— Здоров будь.

— Да ведь это матрос Семена Лученко, мужики.

— Вы поглядите!

— Вот случай!

— Василь! Ну иди же, не стой, как сирота.

— Насчет сироты напрасно ты, кум...

К двери, где все еще стоит Василий, подо-

дят односельчане. Знакомые и незнакомые. Пожилые и помоложе. Жмут руку. А по ту сторону стойки, на пороге подсобки — старый Труш с нанизанными на все пальцы рук кружками из потемневшей жести. Низкорослый, словно вверченный в дощатый пол. Короткие ноги уверенно удерживают крепкое, взрыленное годами и закусками тело. На красном лоснящемся лице — подвижная серая ртуть глаз. Натолкнувшись на высокую фигуру матроса, глаза скрылись под веками, а рот преобразился непривычной улыбкой:

— Милости просим к нашей культурной торговле.

Теперь заработали глаза, время от времени настороженно устремляясь к столам, где теперь стоял Василий в окружении мужчин. Жал им руки, пытался отвечать на вопросы. А в голове неотступно роилось: «Неужели все, как было, и даже Труш за прилавком? Может быть, и лавка принадлежит Трушу?»

Односельчане дружелюбно усмеваются. И хотя пять лет не виделся со всеми, узнаёт Василий и дядьку Михайла, и деда Никиту, и одноклассника Федора с лицом в рамке мягкой курчавой бородки. У Федора в охапке хомут.

— Садись, браток. — Дядька Михайло даль-

ний, по отцовской линии, родственник. Он и приглашает старательней всех и говорит больше других. — На портки вот купил школяру своему... Ну, конечно, воскресенье, пивком обмыть покупку, чтобы не ворсилось уж больно. Ну а ты как, надолго?

Василий невольно осматривается по сторонам: где же Оксана? Неохотно присаживается у стола на предложенную кем-то табуретку. О том, надолго ли он в Мельниковку, будто и не слышал, хотя чувствует: это всем почему-то интересно.

— На штаны мешковину, говорите? А лавка чья, Андрона Труша? — спрашивает хмуро.

— Тише, — шепчет дядька Михайло. Все старательно и дружно склоняются над пустыми кружками, как будто заняты пивом. Василий ждет ответа напряженно. — От потребительского общества лавка...

— Вроде бы общественная. — Дед Никита долго и проникновенно смотрит на Василия. В выцветших от лет глазах искорка молодой заинтересованности взблеснула и не угасает.

— Настановили Труша с уездной потребилки, — приглушенно молвит дядька Михайло и снова переходит на шепот: — Сын его Харитон

в начальстве там. А сюда приезжал важный полномоченный. Мол, грамотного лавочника надобно в нашу советскую культурную торговлю. Ну, и приставил к ней Труша. Как ни есть, на счетах человек руку набил. Всю жизнь копейку к копейке сколачивает.

Слышен Василию нарастающий шум в голове. После контузии трудно сдерживаться в гневе. Встать бы, стукнуть дверями, чтобы штукатурка посыпалась на полки. Уйти и никогда больше не приходить сюда...

— Харитон после петлюровщины в село долго нос не показывал. — Это дядька Михайло все рассказывает о Трушах. — В уезде закрепились по торговому делу. Гимназия, брат, не хрен с табаком...

Уйти?! Постой, матрос. А Труш останется? Отец петлюровца. Дядька Михайло мешковину ученику-школяру своему на брюки покупать будет у него. Не у него, в советском магазине. Мешковину, не мануфактуру...

— А почему не мануфактуру? — Злость не уходит. Но сознание своей правоты уже властвует над Василием. Он вслух повторяет то, что вернуло ему ясность и силу воли. — Почему?

Звон жести в руках Труша утихает. Там, за прилавком. Дядька Михайло шевелит губами, словно провинившийся школьник:

— Говорят, нет мануфактуры. — И снова переходит на шепот: — Выменял за нее Андрон пятьсот пудов хлеба на Подолии, отвез в уезд кустарям и привез оттуда кошельки. Оно, конечно, нам бы материйки... — Издавна в селах на Украине называют мануфактуру материей. Всегда мечтал о ней крестьянин и всегда вынужден был одеваться в посконное и ряднинное — не хватало земли у крестьянина. Но ведь земля теперь есть. И недород нынешний — случай.

— Материи бы нам, — шепчет дядька Михайло. — Уж коли кошельки, то лучше бы хлеб продал пайщикам. Вон видишь?

У порога стайка детей: матрос в село пришел, почти что с самой «Авроры», разве усидишь дома. Впереди веснушчатый мальчишка, сосед Василия, рядом совсем кроха, из-под отцовской шапки не видно лица, а в кулаке — серо-зеленый ком.

— Жмыхом пробавляется детвора наша, — закончил скорбно дядька Михайло.

За спиной у Василия утихают шаги. Мягкие, но уверенные. И слышится беззлобный, почти сочувствующий голос:

— Мануфактуры, говоришь, голубчик? А фи́га не хочешь? Не присылает мануфактуры Советская власть.

Тишина над пустыми жестянками — дыхания не слышно. Нелегко Трушу — это он подошел, он и заговорил — выдержат такое безмолвие.

— Не присылает, поняли?

Нужно спокойно подняться на ноги. И говорить негромко. Комиссар как-то сказал: успех боя решается не шумом, а меткостью выстрелов...

— Пришлет и мануфактуру Советская власть. Дала ведь право вот им, — показал на всех, кто был в магазине, — сообща распоряжаться своей судьбой, а не только землей. Не говоря уже о торговле. Конечно, если они молчать будут, а тут хлеб на всяческий хлам переводится. Власть товар поставит туда, где заинтересованы его получить. Не всем мы богаты, но что может сегодня, то и дает государство. Вот же в Катериновке совсем иное. Кто был там, пускай скажет... Неужели никто не заинтересовался?

Василий с укоризной смотрит на мужиков.

— Да чего там! — первым не выдержал его взгляда Федор. — Моя Надька была на прошлой неделе. И керосин продают. Только, известное дело, своим пайщикам. А мы глазами светим.

Невысокий рыжебородый мужик, ровесник деда Никиты и, сколько знает его Василий, все нестареющий, подбежал к Трушу, поднял согнутые в локтях руки, вроде хотел возвыситься ростом хотя бы над ним. Заговорил сварливо:

— Давно пора сказать тебе, Андрон: кровопиец ты изрядный. Да все не собрался, а теперь, видать, пришло время. Спасибо служивому, образумил...

Труш отпрянул от рыжего мужичонки, подбежал к Василию и взвизгнул изменившимся до неузнаваемости высоким голосом:

— По какому праву бунт устраиваешь в общественном магазине? Не допущу! Ответ держать заставим перед уездом. Эй, девка, — кликнул не оглядываясь, — счета принеси немедленно. — И к матросу: — Чтобы ноги твоей не было здесь! Забердет всякий и мутит воду.

Он долго не утихал — выговаривал, угрожал, а Василий напряженно молчал. Потом подошел к присмирившим мальчишкам у дверей и, подозвав соседского Димку, велел:

— В сельсовет — Коваленко и Бандураку сюда зови. Только мигом!

Детвора наперегонки умчалась выполнять наказ матроса. Василий направился к столу дядьки Михайлы. И вдруг взгляд до боли знакомых глаз преградил матросу путь. Все такая же стройная, только похудела Оксана. Волосы собраны в два тугих пучка, переплетенных оранжевой лентой. Как идет она к ее карим глазам... Грудь вздымается от порывистого дыхания. В руке — счета. «Считать миллионы тех «других», обесценивающихся с каждым днем денежных знаков», — почему-то ясно подумалось Василию. Услышал, как ударились о пол счета. Сжал плечи девушке, порываясь

прижать ее всю к себе. Выпрямился враз — что подумают люди! Снял руки с ее плеч.

— Здравствуй, Оксана!

— Здравствуй, Василь...

И нет уже в карих глазах ни капельки радости для него. Слеза заискрилась в лучистых ресницах. Память в мгновение перенесла Василия в летний вечер. Провожали рекрутов. Он впереди с мешком, за ним отец, в пол-локтя сзади — мать, а за нею смуглая девушка... Так и поцеловал на сельской околице — вначале отца, потом мать и последней — Оксану. «Ждать буду», — прошептала ему в лицо, и губы изогнулись в предчувствии долгой разлуки: провожали Василия в разгар войны. В глазах у Оксаны застыла взрослая грусть. Но не было в них беспросветной отрешенности. Писем не получал от Оксаны. А в сердце, во всем существе Василия жила все дни, месяцы и годы, пока ходил по фронтам. Всегда ты желанна, Оксана. Спросить, что случилось? Но столько пар глаз за спиной!

Василий теперь смотрел только на Труша — что-то подтверждение металла проступало в его взгляде. Труш попятился, натолкнулся поянницей на прилавок и поспешно отступил за него. Василий сел у края стола, все поглядывая на дверь: Коваленко и Бандурака не шли. Потом достал из кармана блокнот и карандаш, разложил на столе.

— Пятьсот пудов, — назвал цифру и записал. Застучали табуреты, заскрипели скамьи. Вслед за дедом Никитой мельниковские покупатели передвигались к матросу. — Двести продать тем, у кого в закромах пусто, триста отвезти в Петроград. Рабочих поддержать хлебом. Мануфактуры на вырученные деньги привезти...

Помолчали. Глаза теплотой окутаны. Взглядами упрасывают матроса говорить. Он растегивает бушлат, расстилает на столе газету. Все склонились над «Правдой». Читать не умеют, а с портрета на газетном листе узнали человека с добрым прищуром глаз.

— Ленин, — почти шепотом вымолвил дед Никита и, опершись на посох, поднялся со скамьи. За ним встали остальные. Смотрели на портрет, словно прислушивались.

— А что он сказал насчет учебы и вообще? — после долгого молчания спросил Федор, кивком показывая на портрет и обращаясь к Василию.

— На партийном съезде выступал на днях Владимир Ильич. Велел, чтобы мы, то есть коммунисты, научились хозяйствовать. Торговать чтоб умели и все прочее...

— Вон как! — Дед Никита склонился над газетой, словно намерился в незнакомых значках на бумаге угадать мысли великого человека. — А ты, Василек, коммунист? — Сколько надежд во взгляде старого Никиты: наконец-то в Мельниковке будет свой коммунист.

— Да, дедушка, член комсомола...

— Ну, а я что говорил! В командиры парню в самый раз, — обрадованно воскликнул рыжий мужик, но Василий уже услышал шаги за стеной. Первым вошел председатель сельсовета Грицко Бандурака. За ним — Иван Коваленко в окружении шумливой детворы. Василий поднимается навстречу ошеломленным от неожиданной встречи представителям сельской власти, прикладывает руку к бескозырке:

— Матрос революционного красного флота Лученко прибыл для дальнейшего прохождения революционной службы... — И, не закончив, бросается в объятия друзей. Но Василию не терпится — к делу. — Эх вы, власть на местах! Почили на лаврах, вокруг не оглядываетесь. Собирайте сход кооперативный...

2

Ночь засветила звезды на пасмурном куполе неба. Скрипит под матросской обувкой слежавшийся мартовский снег. Мороз остужает лоб, свежит. В голове — отголоски длинного-преддлинного дня. Хаты приглядываются к Василию бельмами окон — светятся редкие из них. Мельниковские кооператоры, наверное, успели после схода отужинать, а ему, Василию, ужин не в мыслях: день проходит перед глазами вереницей лиц. Вначале удивленные. Грицко в повестке дня оглашает один вопрос: выборы правления Мельниковского потребительского общества. К столу председатель-

ствующего пробирается сутулый, намеренно укорачивающийся в росте мужчина в очках, серой смушковой папахе и черном пальто.

— Ни к чему здесь правление, — бросает властно в переполненный школьный класс, где после революции собираются мельниковцы на сходки. — Уезд назначил вам лавочника — и basta. Нечего умищать. Самоуправства там не потерпят.

«В самом деле, зачем правление? Кем управлять? Лавочником?» Василий читает эти недоуменные вопросы на лицах собравшихся. Так рассуждали еще час назад и Коваленко с Бандуракой, пока мальчишки созывали людей в приходскую школу, что в десяти шагах от магазина. «Понимаешь, — сказал еще Грицко, — в уезде поддержка у Андрона Труша. Харитон в потребсоюзе помощником у начальника». «Эх ты, власть! — возмущенно усевещал приятеля Василий. — А рассказали вы в уездном парткоме, кто такой Харитон?» «Сами знать должны!» «Придет время, узнают, но сколько беды натворят Труши против Советской власти! Одним словом, вы не правы, хлопцы». Из магазина втроем пошли в школу. Пока судили-рядили в учительской, собрались люди. В толчее и не заметили Харитона Труша. И вот он возле стола, лицом к лицу с Бандуракой. «Понимаешь, — поясняет Василию сидящий рядом Коваленко, — Харитон теперь часто по воскресеньям к отцу приезжает. Вроде бы в активе он теперь в уезде. Ведь многим таким прощение вышло, и за деникинщину и за Петлюру...» «Пожалуй, не многим, — ответил с досадой Василий. — А если и прощаем, то не во всем. К плугу, к станку становись, искупи вину перед народом. А в актив не суйся...» Только мгновение на раздумье: если Грицко сейчас оплошает перед Трушем, придется подняться Василию — хорошо хоть сели с Иваном в первом ряду...

Но Грицко не дрогнул. Только побледнел со лба.

— Прошу садиться, господин Труш, — сказал спокойно и после обращался только в зал. — Назначать из уезда — вот это и есть чистый воды самоуправство. Зажим демократии. Пайщики избирают правление, а оно уж назначает продавца. Одного, двух, сколько положено. Правильно ведь, товарищи?

— Правильно! — первым бросает в зал Иван Коваленко.

— Истинно говоришь, Грицко! — Василий узнает рыжего мужика: где-то от дсрей подает голос. Харитон уговаривал, а потом пытался угрожать, но все же ушел от стола, в возмущении скривив губы. Тогда по углам взрывается волна:

— Уездным властям не подчиняетесь? Самоуправщики.

— Власть голодранная.

Василий поднимается, подходит к столу. Бескозырка зажата в закинутых за спину руках. И когда пол под ногами перестает дрожать — это дрожь в теле, начинает говорить. Немного он сказал односельчанам, только известно: то, что Андрона Труша все они знают давно, и о Харитоновом прошлом тоже. В уезде разберутся с ним строго по закону...

Класс для сходки избрали самый большой. И немного в нем «культурно-заможных» хозяев. Совсем капля — родственники Труша. Понятливым оказался зал. Чего не договорил Василий, досказали из зала.

— Кончать надо с такой торговлей! Голосуй за повестку дня!

Грицко смотрит по рядам и объявляет, счастливый:

— Против девятнадцать. Повестка дня принимается.

Не все в зале успокоились.

— Ну чего там — кончать. Ошибся человек, — бросает кто-то из сумрака зала. И хочется многим поддержать сомнение: — Конечно, ошибся. Конь о четырех ногах, и то спотыкается.

— Нет, люди добрые. Я все расскажу...

Василий еще не видит Оксаны. Но голос ее узнает среди тысяч.

Сходка замирает. Василий идет от стола, садится и слушает вместе со всеми. Оксана знает о Трушах многое. И то, как приезжали с Харитоном два незнакомца из уезда. Велели Андрону и всем «культурным» прятать пшеницу и рожь в ямах, пусть подышает го-

лытьба. Сошлись и на том, чтобы часть хлеба кустарям-частникам отдавать за всяческие безделки. Посидят голодные и голые пайщики — будут посговорчивей, когда понадобится. Слышала многое Оксана из своего батрацкого чулана.

— Замолчи, стерва! — прошипел Харитон в безмолвии зала.

Сходка взорвалась угрожающе: не трожь оратора, у нас — демократия. А рядом с Василием соседка соседке — сочувствующим шепотом:

— Ух, зверье! Извели дивчину, опозорили... Может быть, никто, кроме соседки, не слышал о позоре. А Василию иглы вонзились в сердце.

— Не буду молчать. Хватит, — отвечает Оксана на угрозу и брань Харитона.

Черный мохнатый ком ушанки летит через зал, накрывает керосинную лампу на столе перед Грицком Бандуракой. Темень бьет в глаза.

— Спасайся, кто может!

— Спокойно, товарищи! — Василий поднимается над залом с горящей зажигалкой в руке. Поставил опрокинутую лампу, достал носовой платок, положив на ладонь, вынул расколотое защитное стекло, зажег фитиль. Кудлатую шапку сунул в карман бушлата. — Завтра передадим следствию.

Сходка клокочет.

— Угрожаешь народу! Кто ты есть?! — кричит Харитон.

— От коммунистов и красногвардейцев, — поднявшись где-то в среднем ряду, говорит дед Никита. — По закону хлопец живет. Чего там...

Избрали в правление Бандураку, Коваленко, Василия, Оксану, дядьку Михайлу.

А под конец схода снова поднялся дед Никита — все там же в средних рядах:

— Матрос считать умеет. Башковитый хлопец. Ему товар и доверять, люди добрые...

Кровь ударила в затылок Василию. Бросило в жар от несправедливости. Вскочил на ноги Василий, еле сдерживаясь, сказал обиженно:

— Я... революционный матрос, а не лавочник. Прошу понимать это...

Зал притаился. А от двери рыжий мужичонка упорно деду Никите:

— В командиры парню определяться. Зедь видно же сразу. А вы его в торгоши.

Дед Никита виновато клонит голову.

— Так прости меня, Василек... Я разве в зло. Людям добра пожелал, вот и говорю.

Зал еще ждет в безмолвии. Потом в задних рядах, где смушковым частоклом папахи «культурных» хозяев, — в порядке напоминания или подсказки:

— Сюда грамотный нужен.

— Пускай Андрон Терентьевич возле товара состоят, а они, матросы эти, там нехай революцию делают...

Смех победный и злой повисает над папахами. Сел дед Никита, голову склонил на плечо, вроде не хочется ему слушать тот смех в оба уха. Сел и Василий. Взглядом нашел его Грицко Бандурака, смотрит с немим укором. Можно отвести глаза, поднять над столом. Но там на портрете человек с газетой в руке, словно бы ждет с требовательной укоризной. Что ж ты, матрос? Деда Никиту агитировал по-новому хозяйствовать, торговать научиться. А ликбезы медленно открываются в уезде. Что ж, так и оставить Труша в торговле?.. Можно спрятать глаза, опустив голову. А сходка ждет.

— Спасибо за честь, — поднявшись, уронил в тишине Василий. — Простите, товарищи, я все понимаю...

Сходка давно закончилась, а стыд все горит Василию щеки...

Отбрали на людях ключи у Андрона Труша, оставили для передачи товаров комбедовских активистов. Стоит охрана у магазина — Федор с первой сменой, Василий встанет во вторую. Вот только скажет матери, чтобы не волновалась да и не обижалась, что он и полдня не погостевал с ней. Сама понимает, была ведь на сходке. Заметил ее у самых дверей. А завтра — в уезд, в партком и в комсомол: с Трушами тянуть нельзя, не те люди...

Темнеют окна хат — керосин, как и соль, в военные лихолетья на вес золота. Скрипит звонче снег под башмаками: быть морозу к рассвету. А к полдню снова пригреет сол-

нышко, потемнеет снежок. И все же огрызается зимушка — таков у нее характер...

Идти еще далеко. Только с подворьем Труша поравнялся Василий. Что там за шорох? От дощатого забора тень метнулась через дорогу.

— Василь...

— Оксана?!

— Я. Ты прости, что я так вот... перестреваю. Берегись, и лавку стерегите. Я их знаю.

Молчит Василий. Рядом Оксана, родная, желанная. Горячим ее дыханием щекочет виски Василию. С трудом доходит до сознания смысл слов Оксаны. В ушах все те, оброненные женщиной в первом ряду: «Извели... опозорили». А зачем же позволила? Кулачью покорилась зачем? А что если по духу ей отродье Трушей? От обиды сердце сжимается, шумит в голове. Стучит калитка в заборе Труша.

— Эй ты, хозяйка, лошадей напои. — В калитке руки раскинул, положив их на верх столбов, длинный Харитон. — Н-н-у, кому сказано!

Может быть, так отцом Василия понукали петлюровцы? Мышцы бугрятся от напряженности и злобы. Маузер выхватить из-под полы, навсегда заткнуть бандитскую глотку?

— Не дождешься больше, чтобы коней твоих кормила и поила. Василь, ты иди, поспешай. — В голосе девушки печаль и тревога. Ухватила за руки Василия, выпрямилась, словно угадала его намерения. — Поспешай. — Сама порывисто повернулась и устремилась в звездную ночь. Василий еще смотрел на Харитона, гася в себе намерения. И тот прочел это в глазах матроса, враз отрезвел и перевалил свою жердистую фигуру через калитку во двор. Василий не прошел и трех шагов, как позади загремел засов.

Оксана ждала его в конце трушевского двора. Вдохнула облегченно, когда подошел.

— Берегись, Василь.

Не хотелось отвечать. Отрешенно смотрел на тропку, ускоряя шаг.

— Василь!.. Ну не молчи же... Я до конца жизни только тебя буду любить...

Она задыхалась от горечи, и ему больно стало. Потому что не мог принять ее клятвы.

— Не надо, Оксана.

— Да, я виновата перед тобой. Слабая я... Они угрожали выбросить меня из дому и с лавки, если буду с тобой знаться. Если ждать тебя буду. Одно письмо от тебя получила... и не пошла к учительнице, чтобы ответить. А Харитон все подстерегал. Не убереглась я, Вася. Несмелая была. Не за что такую любить...

Оксана плакала тихо и, показалось Василию, привычно, давно не находя ни в словах, ни в слезах утешения

«Несмелая». Вот почему они стольким и мучили душу, что несмелые, нерешительные были, как ты, Оксана! Оглянулся. В предвечерней морозной дымке синело расплывающейся теменью подворье Трушей. Руку обожгло холодом рукоятки маузера. Всего лишь полсотни шагов до той волчьей норы...

Уже целую вечность ходят взад-вперед улицей Василий с Оксаной. Руку обжигает металл. Но нет. Самосуд не для революционных матросов. Маузер утром будет сдан военному. Законы революции в первый ее миг вступили в силу, и не упрятаться от них Харитону Трушу.

Вновь позади осталось подворье Трушей. Возле своего двора Василий взял Оксану за руку, остановил. Рука Оксаны вздрагивала в его руке. Уже мать, слышав шаги, блеснула огоньком копилки-каганца. Потом застучала щеколдой и ждала на пороге.

— Мама... Оксане постель найдите... Я пойду сменить товарищей на посту, — сказал Василий и двинулся в рассвет.

— Заходи, дочка, — услышал голос матери. В нем пробивалась ласка, которая всегда, сколько помнит себя, утешала его боль. — Не будь там долго, сынок, — кликнула в простлавленную между ним и домом даль.

А над Мельниковкой разгуливался терпкий мартовский ветер. К утру солнце размягчило снежные тропы: в село входила пятая после октябрьская весна.

Авторизованный перевод
с украинского И. КАРАБУТЕНКО.

ВЫ ПОДХОДИТЕ УТРОМ К ОКНУ...

Раиса Собинкова.

Фото Н. Бумагиной

Вот она, наша именинница. Сидит, зардевшись, за торжественным столом. Темные волосы без единой седины, фигура девичья. Рая, неужели и тебе уже за полвека перевалило?

Помню, как 33 года назад пришла она к нам (я тогда начальником цеха была) тоненькая смуглая девчонка, Рая Хамидулина. Поговорили мы с ней. Живет за городом, семья большая, работает только папа. Помогать семье надо.

Приняли ее в цехе как родную. Каждый хотел чем-то помочь старательной и скромной девчужке. Часто слышала, как старшие подруги приветствовали ее утром:

— Раенька, пришла, дочка? Ну и хорошо, давай начинать...

Стала она работать оверлочницей. Да больно стеснительной была. Застопорится что-то в машине, сломается — в слезы. И механика боится позвать. Но быстро освоилась. И вот уже все у нее спорится в руках и сама стала учить молодых работниц.

Как-то группа наших рабочих поехала в колхоз. Да не на день, а на целый месяц. Рае поручили кашеварить. Потом она рассказывала мне:

— Уж как боялась в первый день! Ну, думаю, не станут есть мое варево. Но гляжу, с удовольствием едят да приговаривают: «Раек, повторить можно?» Успокоилась я. Стала наши национальные блюда готовить. Очень полюбили их девчата.

«Теперь Раиса работает на участке пошива штор. Из разноцветного тюля, с оборками, воланами. Тут и хозяйская сметка нужна, и верный глаз, и аккуратные руки.

Захожу я иногда в цех, спрашиваю Раю:

— Как живешь, девочка? (Вот что значит привычка. Все девчонкой зову.) Покажи, что нашила? Молодец, отличные изделия.

Фабрика наша женская, коллектив дружный. Все на виду — и радость и горе. Когда умер Раин отец, все ей сочувствовали, помогали.

Тревожило меня, что хоть много у Хамидулиной друзей, а суженого нет. И как же радовались мы все, когда несколько лет назад наша Рая вышла замуж. Стала она Собинковой. Сейчас часто слышишь: «Мы с Васей», «Спрошу у Васи», «Вася сделала...».

Живет теперь Рая в Подольске. Вставать надо рано, чтобы поспеть к началу смены. Но когда спросишь ее, не думает ли уходить, ведь работу поближе найти можно, она чуть не со слезами на глазах отвечает:

— Да нет. Привыкла к своей фабричной семье.

...Вы подходите утром к окну. И непременно дотронетесь до тюлевых занавесок. Скорее всего сделаны они руками женщин гардино-кружевного производственного объединения.

А. М. ГОЛУБЧИНА,
ветеран труда

Москва

Виталий ЗАСЕЕВ,
специальный
корреспондент
«Огонька»

Белоснежный, словно океанский лайнер, корпус санатория «Днепр», принимающий в один заезд более пятисот человек, сегодня является своеобразным символом нового Трускавца.

— Тот, кто не был здесь всего несколько лет, будет приятно удивлен новым обликом знаменитой прикарпатской здравницы, — говорит председатель исполкома Трускавецкого городского Совета народных депутатов Болеслав Денисович Петровский. — И хотя у курорта солидный возраст (недавно Трускавцу исполнилось сто пятьдесят лет!), он значительно помолодел, «приосанился», стал еще более зеленым и привлекательным для отдыхающих.

Председатель исполкома, энергичный, влюбленный в свое детище человек, прежде чем рассказать о перспективах развития курорта, предлагает осмотреть только что открывшийся в центре города музей «жемчужины Прикарпатья». Так издавна называют Трускавец те, кто хотя бы однажды испытал на себе целебную силу его источников.

— Понять значение преобразований, осуществленных в этом крае за годы Советской власти, немыслимо без предыстории, — говорит Б. Петровский.

Переходя из зала в зал, разглядывая старые, пожелтевшие снимки и рисунки, невольно проникаешься уважением к творению рук человека. Там, где были временки, развалюхи, с приходом народной власти на землю Прикарпатья появляются светлые, просторные корпуса санаториев, хорошо оборудованные поликлиники, амбулатории, гостиницы.

...Солнце стоит в самом зените. Свежая зелень, только что умытая легким дождем, стала еще ярче, пышней. Возле санатория «Рубин» (его корпуса вмещают тысячу пациентов) особенно многолюдно.

— Здесь можно встретить отдыхающих со всех уголков нашей страны, — рассказывает Болеслав Денисович. — Однажды мы подсчитали и выяснили, что только в одном «Рубине» за год побывали жители ста семнадцати городов Советского Союза. Причем большинство из них приезжали на лечение по бесплатным путевкам, за счет средств государственного социального страхования.

В одном из самых живописных уголков курорта расположился бальнеологический санаторий «Родина». Шестиэтажное здание из бетона и стекла, со вкусом украшенное мозаикой и витражами, предназначено для инвалидов и участников Великой Отечественной войны.

Начальник медчасти санатория, кандидат медицинских наук Альберт Васильевич Жуков, рассказывая о своей работе, говорит:

— Помимо великолепных свойств «Нафтуси», которая успешно врачует многие недуги

наших больных, мы стремимся создавать для них наиболее благоприятные условия с точки зрения психологической совместимости. Ведь не секрет, что качество лечения во многом зависит от настроения человека, от условий, в которых он находится. Поэтому-то всех приезжающих к нам после предварительной беседы мы размещаем в одно- и двухместные палаты. Многие наши пациенты, приехав в санаторий с каким-то одним заболеванием, проходят здесь, как правило, целый комплекс оздоровительных мероприятий. Этому помогают постоянно совершенствующаяся в санатории методика диагностики, хорошо оборудованные лечебные кабинеты.

Вместе с А. Жуковым мы заглядываем в столовую. Зеленый салат из свежих овощей, ранние фрукты, соки доминируют в меню.

— Все мы здесь окружены настоящей заботой и вниманием, — отвечая на вопрос, говорит бывший рядовой Григорий Степанович Золотухин, приехавший на лечение из Харьковской области. — Вторично я в Трускавце и чувствую, что лечение мне идет на пользу.

Хочется добавить к словам бывшего фронтовика-пехотинца, что к

заболеваниями, как сахарный диабет, гепатит, и многими другими.

Мы уже давно покинули уютный санаторий «Родина» и не спеша идем вдоль тенистых аллей, где играет детвора. Словно угадав мою мысль, Болеслав Денисович признается:

— У нас не все еще пока сделано для расширения лечения и отдыха родителей с детьми. Но партийные органы, исполком вместе с территориальным советом по управлению курортами профсоюзов решают эту задачу. Так что к детскому санаторию «Источник» на пятьсот мест (есть здесь и спальный корпус, и школа, и бассейн) вскоре прибавится здравница, где родители смогут не только отдыхать вместе с детьми, но и проходить необходимый курс лечения.

Ясное небо, прозрачный воздух, пение птиц — все это действует столь же благотворно на человека, как и знаменитые трускавецкие источники. Старожилы не зря утверждают, что Трускавец, не уступая в целебности воздуха самой Ялте, значительно превосходит ее своими минеральными источниками. Спрашиваю об этом своего спутника. На лице мэра появляется довольная улыбка.

— Не буду сравнивать наши

ЗА ЗДОРОВЬЕМ В ПРИКАРПАТЬЕ

Санаторий «Днепр».

Фото автора

услугам всех отдыхающих в «Родине» прекрасный киноконцертный зал, бытовые мастерские, почта, хорошо подобранная библиотека, где особое место занимают военные мемуары.

— Санаторно-курортное лечение в наших здравницах организовано на научной основе, — продолжает свой рассказ Б. Петровский. — В связи с этим огромное значение придается изучению механизма действия целебных факторов курорта на организм человека. Это помогает более эффективно использовать современные методы лечения людей с такими

климатические условия с Ялтой, но об одном преимуществе все же скажу. С территории нашего курорта удалены все предприятия, которые в той или иной степени могут загрязнять выбросами атмосферу окружающей среды. В решении этого вопроса партийное руководство было неумолимо, и мы с гордостью говорим об этом.

Выходим на широкую площадку, откуда весь Трускавец оказывается как на ладони. Мой спутник долго вглядывается в перспективу, а потом, как бы вслух размышляя, продолжает:

— Посмотрите, сколько новых современных здравниц построено здесь за последнее время: «Шахтер», «Рубин», «Алмаз», «Янтарь», «Днепр»... И все же одной из самых острых проблем по-прежнему остается проблема удовлетворения всех нуждающихся в лечении именно в Трускавце. А их, пожалуй, много больше, чем мы сегодня можем принять, разместить и обслужить на должном уровне. С учетом этой проблемы как раз и разработан нынешний генеральный план развития курорта, который позволит уже к 1985 году благодаря строительству новых пансионатов и здравниц увеличить количество мест до тридцати пяти тысяч.

Позже в своем кабинете Б. Петровский раскладывает на столе рабочие чертежи с проектами будущего Трускавца.

— Используя новые мощные источники целебной воды, которые не так давно были обнаружены и изучены нашими специалистами в непосредственной близости от города, — говорит председатель исполкома, — генеральным планом развития курорта предусмотрено создание Большого Трускавца, в состав которого войдет поселок Сходница. В ближайшее время он обещает стать столь же популярным, как и сам Трускавец. Это позволит в скором времени значительно расширить здесь сеть здравниц и пансионатов, лечебно-профилактических и культурно-массовых учреждений. Однако это не означает, что перспективы развития нашей здравницы заслоняют перед нами проблемы насущные. Ведь в Трускавце, как известно, приезжают десятки тысяч людей, не имеющих путевок, и мы считаем своим долгом проявить о них максимум заботы. С этой целью в Трускавце увеличено число диетических столовых, кафе. Строится большой крытый рынок, где приезжие смогут покупать овощи, фрукты, ягоды, знаменитый прикарпатский мед.

— А как будет решаться проблема с жильем?

— Сегодня в Трускавце четыре гостиницы, способные принять около полутора тысяч отдыхающих, — отвечает Б. Петровский. — Хорошо у нас налажена работа по найму жилья для приезжих у местного населения. В Большом Трускавце вскоре появится 18-этажная гостиница. Строится несколько пансионатов и кемпингов для автотуристов.

— Какие новостройки увидят гости Трускавца в ближайшее время?

— Сейчас ведется строительство большого торгового центра, еще одного современного Дворца культуры. Недавно вступил в строй городской плавательный бассейн. В одиннадцатой пятилетке будет завершено строительство железнодорожного вокзала... Одним словом, — заканчивая беседу, говорит Б. Петровский, — государство не жалеет средств на строительство Большого Трускавца. Только в нынешней пятилетке на его расширение будет израсходовано более шестидесяти пяти миллионов рублей. Это позволит сделать наш курорт более доступным для миллионов и миллионов советских людей, забота о здоровье которых является, как известно, одной из самых важных социальных задач нашего государства.

Кувшиниксы. ЗАЛП АВРОРЫ.

П. Корин. ПОРТРЕТ КУКРЫНИКОВ.

КУКРЫНИКСЫ

В двадцатые годы на улице Рождественке, что в центре Москвы, почти в одно и то же время вошли в один и тот же большой дом три совсем разных молодых человека. Сперва в распахнутые двери дерзко шагнул долговязый, длинноногий паренек из далеких захолустных Тетюшей. Затем осторожно, даже немного робко переступил порог в институт тихий, небольшого роста юный гражданин славного старого города Тулы. А позже всех открыл дверь ВХУТЕМАСа голубоглазый, с есенинскими кудрями молодой москвич, ставший по капризу судьбы временным обитателем города Рыбинска, что на Волге. Так все началось. Эти трое были Михаил Куприянов (КУ), Порфирий Крылов (КРЫЛ) и Николай Соколов (НИКС), а вместе КУКРЫНИКСЫ... И вот через несколько лет вместо трех начинающих художников, мечтавших овладеть тайнами мастерства, из института появился на свет один художник — КУКРЫНИКСЫ, который живет и здравствует поныне. И хотя его лично никто не видел, результаты труда его огромны.

Но вернемся в двадцатые годы.

Это было бурливое время. Воздух во ВХУТЕМАСе гудел от пафоса утверждения и отрицания. Гипербола, метафора, парадокс, шутка были любимым оружием студентов. Это была пора юности. Все казалось новым и постижимым. Профессора самые разные — Давид Штеренберг и Дмитрий Кардовский, Петр Кончаловский и Петр Митурич. Но, пожалуй, одним из самых популярных пастырей этого буйного и пестрого коллектива молодежи был Владимир Андреевич Фаворский. Он призывал к упорному изучению природы, внутренней чистоте и собранности. В его неторопливых речах был большой этический заряд — призыв к поиску и самоотреченному труду. Надо заметить, что в ту пору в среде студентов ВХУТЕМАСа были такие интересные и высокоталантливые молодые люди, как Александр Дейнека, Юрий Пименов, Андрей Гончаров, Семен Чуйков и многие другие...

Так день за днем в жизнелюбивом экспериментаторском задоре, в раздумьях, в изучении природы и творений классиков, волею своих юных сердец и руководимые цельностью своих душ, буднично и вовсе незаметно для окружающих, а может быть, и для них самих, сливалось и цементировалось в одно художническое «я» новое явление — Кукрыниксы. Явление своеобразное, яркое, колющее.

Жизнь сложна. Судьбы художников складываются порою непросто и мучительно, но, надо признаться, несмотря на все невзгоды, шероховатости немудреного тогдашнего быта, все же Кукрыниксам сопутствовала удача. Их скоро заметили и оценили. Сам кумир тогдашних вхутемасовцев Владимир Маяковский заказал эскизы к «Клопу» в Театре Мейерхольда, и их наполняла радость общения с мастерами глубоко оригинальными, обладавшими неиссякаемым резервом выдумки, остроумия, неожиданных находок.

Но кардинальной для творческой судьбы Кукрыниксов была встреча с Горьким, его поддержка, дружеские советы.

Вот что пишут Кукрыниксы в своей книге «Втроем»: «Алексей Максимович Горький сыграл огромную роль в нашей художественной судьбе. Не встретиться мы с ним — наш путь оказался бы иным».

Горький призвал их выйти из круга околотитературных фарицитов на широкую дорогу познания жизни, призвал глубже изучать творчество великих Домье и Гойи. Словом, Горький как бы перевел корабль художников в глубокий и широкий фарватер изучения и отражения явлений современной жизни.

Он писал: «Наши враги — серьезные враги... Мне кажется, Кукрыниксы должны почаще заглядывать в Европу, за океан... Смешного там так же много, как подлого». А затем сердечно им желал «учиться, расти, расти и учиться...».

Пройдет немало времени, многое изменится. Кукрыниксам доведется встретиться в суровые годы Великой Отечественной с корифеем русской живописи Михаилом Васильевичем Нестеровым, который принял их серьезно и дружелюбно и дал им неоценимые советы.

Потом много лет спустя их портрет напишет ученик Нестерова Павел Корин. В жизни Кукрыниксов будут встречи с большими мастерами культуры и искусства, режиссерами Сергеем Эйзенштейном и Всеволодом Пудовкиным, художниками Франсом Мазерелем и Рокуэллом Кентом; они беседовали в Париже с Александром Бенуа, слушали его темпераментные осуждения абстракционизма в искусстве, о котором он произнес горько: «Докатились». Их связывала тесная дружба с Ильфом и Петровым; Самуил Маршак был их боевым другом, с которым газетчики Кукрыниксы немало поколесили по затемненной, пустынной Москве военных лет, отвозя в «Правду» очередной рисунок с разящими стихами поэта.

Но сколько бы ни было встреч, сколько бы ни было влияний, Кукрыниксы оставались верны себе. Редко кто из художников так умел сохранять в течение всей жизни творческий запал юности.

Художники Кукрыниксы оказались в полной мере достойными продолжателями великих реалистических традиций как в графике, так и в живописи. Их искусство отличает не только блестящая форма исполнения, им свойственна та гражданственность, к которой взывал еще в дни их молодости Горький, обращаясь к деятелям художественной интеллигенции всего мира: «С кем вы, мастера культуры?» А ведь, как и сегодня, тогда была пора непростая для нашей Родины. И вопрос, заданный пролетарским писателем, певцом революции, требовал от всех честного и однозначного ответа.

Живописцы, иллюстраторы, плакатисты, карикатуристы Кукрыниксы всей своей жизнью, всем своим творчеством ясно и ярко дали ответ на вопрос своего наставника. Почти шестьдесят лет это уникальное боевое содружество являет всему миру цельность, целеустремленность и непреклонную веру в правду нашей жизни.

Творческое наследие Кукрыниксов — это поистине этап в развитии нашего искусства. В их произведениях, будь то большая многофигурная станковая живописная картина или маленький газетный рисунок, звучит само время, слышится голос эпохи — сложного, непростого двадцатого века.

Неповторима, удивительна подвижническая работа Кукрыниксов — газетчиков, журналистов. Полистайте комплекты прессы более чем за полвека, и вы зримо ощутите изобразительную хронику борьбы нашего Отечества, нашего народа с врагами.

Ни один зарубежный недруг Родины не остался незамеченным. Ни одна злобная вылазка против СССР не осталась без отпора в колющих, беспощадных листах. Ни один враг, фарисей, лжец, провокатор не остался без поражающей по остроте характеристики. Кукрыниксы, как никто, находили образы-символы в карикатурах, становившиеся со временем народными, до того они были ясны, доходчивы, ярки. До того чеканна, четка была истина их искусства, воплощенная в предельно лаконичную форму.

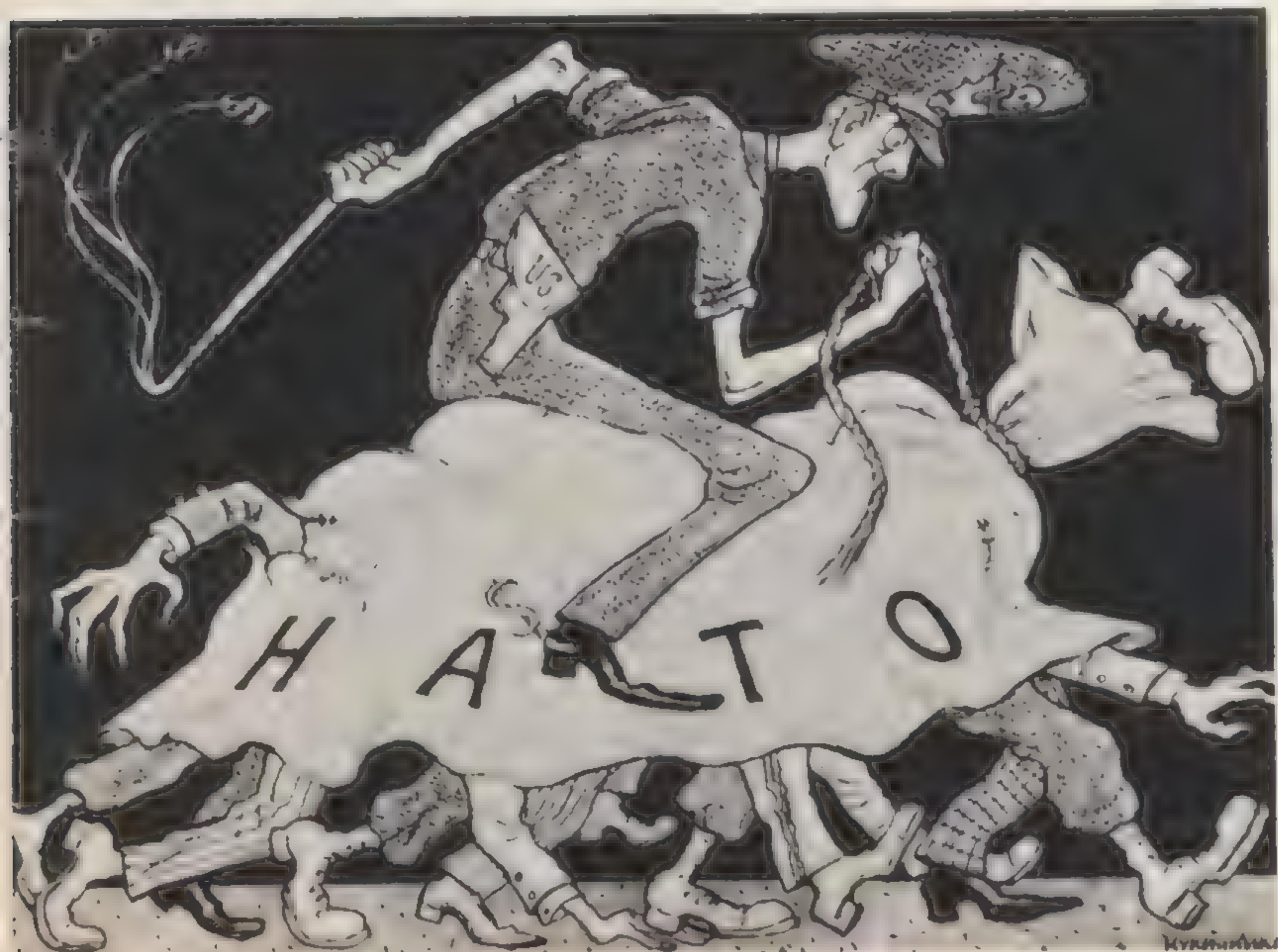
И еще одна немаловажная, чисто человеческая подробность.

Кукрыниксы — художники весьма почтенного возраста. Каждому из них сегодня за восемьдесят. Однако, невзирая ни на что, они находят силу, время, энергию, чтобы отвечать с такою же страстью и бескомпромиссностью на все злободневные события в своих газетных и журнальных рисунках, публикуемых регулярно на страницах «Правды», «Огонька» и других изданий.

Диву даешься, ощущая рядом горение этих покоя не знающих сердец!

Верись, что еще много, много лет будет биться горячее, большое сердце художников-гуманистов, своим пером и кистью борющихся за мир на планете. Они истинные граждане своей великой Отчизны, носящие единственное триединое имя — КУКРЫНИКСЫ!

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

Рисунки КУКРЫНИКСЫ

Весь мир в опасности,
пока
Не обуздают седока.

Пардон! И манья величия
Имеет правила приличия.

Д. ДЕМИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

На первом этаже Олдмонт света не включал, поэтому неизвестные двигались на ощупь. Нэд Олдмонт прижался к стене. Его пистолет остался в машине, в комнате он не держал оружия. Шаги были совсем близко. Значит, они уже нашли лестницу на второй этаж. Расположение комнат в доме они, судя по всему, не знали — потеряли несколько минут, пока шарили в гостиной и спальнях. Чуть скрипнула нижняя расшатанная ступенька. Больше медлить было нельзя. Олдмонт рванул электропроводку — дом старый, провода шли по стене — свет в комнате потух. И тут же внизу сверкнули вспышки — нервы не выдержали, подумал Олдмонт. Он встал у двери, ожидая, кто же появится оттуда. Несколько секунд было тихо, потом вспыхнул фонарик, узкий луч побежал по комнате. Загребели шаги, в три приема человек преодолел высокую лестницу. Олдмонт заметил тень и сбоку ударил, нападавший не удержался на ногах и полетел вниз; оттуда захлопали выстрелы. С деревянного потолка полетели щепки, разлетелось зеркало в углу, жалобно звякнула люстра.

Олдмонт лихорадочно соображал, что делать дальше. Выстрелы гремели безостановочно (на секунду мелькнула мысль: «Полиции они явно не боятся»), теперь по лестнице взбирались двое. Олдмонт стремительно присел. Они выстрелили несколько раз, целясь туда, где, по их предположению, стоял Олдмонт. Пули просвистели у него над головой. Ослепленные вспышками, нападавшие не заметили, как Олдмонт бросился на них. Получив по голове тяжелым стулом, один из них выронил оружие. Олдмонт бросился за пистолетом. Второй выстрелил. Пуля обожгла бедро, но пистолет был уже в руках Олдмонта.

Через минуту возле Олдмонта валялись два трупа, но его правая рука повисла как плеть. Руку прострелил третий нападавший, Олдмонт не успел левой рукой перехватить пистолет и молча смотрел на своего противника.

О'Брайен выключил радио, сообщившее, что лучшей тайландской актрисой года названа Чаруни Суксават, исполнительница главной роли в фильме «Тайна». Среди актеров обладателем такого же титула стал Пия Такунрат, сыгравший главную роль в фильме «Бог — покровитель деревни Бангпун».

— Я только сейчас узнал, что вы стреляли в Олдмонта, — раздраженно сказал О'Брайен, как только Хенкинс вошел в его кабинет. — Вы что, с ума сошли? Забыли, за что вам деньги платят? Чувствуете себя еще «охотником за скальпами»?

«Охотникам за скальпами» в ЦРУ поручали убийства и прочие грязные операции, от которых освобождают заграничные резидентуры,

чтобы их не компрометировать. «Охотники» действуют в одиночку, без прикрытия, чтобы в случае провала не потянуть за собой других сотрудников управления. Хенкинс действительно несколько лет был «охотником за скальпами», и в резидентуре ему постоянно давали понять, что он работник второго сорта: результат постоянного взаимного недоброжелательства между сотрудниками директората разведки и директората операций.

— Я же получил от вас приказ нейтрализовать Олдмонта, — хладнокровно возразил Хенкинс. — Но он слишком большой хитрец, чтобы его можно было взять голыми руками.

— Вы играете в гольф? — спросил О'Брайен.

— Нет, — отрезал Хенкинс.

Он поджал губы, словно его оскорбили в лучших чувствах.

О'Брайен вздохнул.

— Основной принцип игры в гольф гласит, что никогда нельзя упускать мяч из поля зрения. — Хенкинс не мог понять, иронизирует О'Брайен или говорит всерьез. — Мяч в этой игре — Хоукс. Я пытался вам это объяснить, жаль, что вы не поняли, Дуайт. Хоукса нужно немедленно доставить к Олдмонту.

— Не раньше, чем полиция назовет мне адрес Олдмонта. — Хенкинс хотел, чтобы последнее слово осталось за ним.

Раздался легкий щелчок, и Олдмонт зажмурился от яркого света. Он ждал выстрела. Незнакомый отсел от него фонарик и на мгновение осветил свое лицо. Пухлая, расплывшаяся в ухмылке физиономия. Тирают! Насильник, бандит, «красный буйвол»!

Луч фонаря опять уперся прямо в глаза Олдмонта.

— Вот тебе и конец пришел, паршивая скотина, — прошипел Тирают, — как и твоему братцу, которого ты все забыть не можешь. Еще угрожал мне, собака. Такие люди, как я, обид не прощают.

Тирают нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало: он расстрелял весь магазин. Тирают стоял совсем близко, и Олдмонт, поднынув под слепящий луч, головой ударил его в живот. Оба повалились на пол.

Олдмонт был тяжелее противника, но мог действовать только одной рукой. Тирают сбросил его с себя, схватил Олдмонта за уши и с силой бил об пол, пока американец не перестал сопротивляться. Тяжело дыша, Тирают пошарил вокруг себя — он искал фонарь. Но фонарь откатился куда-то далеко. Периодически за окном вспыхивала и гасла реклама, и в ее розовых отблесках Тирают заметил в углу ребристую рукоятку пистолета, который выронил один из его телохранителей. Он повернулся спиной к неподвижному Олдмонту и сделал первый шаг.

Американец повалил его на пол ударом обеих ног, напоминающим взмах ножниц. Тирают растянулся во весь рост, но сразу же поднялся. Вскочил и Олдмонт. Они стояли друг против друга, выжидая. Тирают был ловок и хитер. Его характер закалялся в непрерывных драках с конкурентами, когда вопрос, кто из двоих останется в живых, решала быстрота реакции. Но, обескураженный стойкостью Олдмонта, Тирают лишился хладнокровия. Это предопределило его поражение.

Спеша покончить с американцем, он напал первым. Олдмонт качнулся вправо, так что удар Тираута пришелся на пустое место, и отработанным приемом опустил ребро левой ладони на шейные позвонки тайландца.

Несколько минут Олдмонт пытался отдышаться, опустившись без сил на единственный сохранившийся в целостности и сохранности стул. Некоторое время Тираут еще хрипел, затем замолк. Удар, которому Олдмонта научили еще в учебных лагерях УСС, был смертельным.

Конечно, О'Брайена никак нельзя было обвинить в излишней интеллектуальности. Всякое книжное знание он презирал. За столько лет работы в Бангкоке он так и не потрудился выучить тайский язык. Один раз по этому поводу ему даже пришлось выслушать обидное нравоучение от своего предшественника на посту резидента, который в присутствии нескольких человек, метя в О'Брайена, сказал, что глупец, разумеется, не станет умнее, выучив хоть десять языков. Но понимание речи других людей может открыть возможность проникнуть в их мысли и чувства, а разве это не важнейшая задача разведчика?

Взяться за учебники, вступить вновь в систему отношений «преподаватель—ученик» — эта мысль казалась ему безумной. Он много знал о Таиланде, потому что ничего не пропускал мимо ушей, и телефонный звонок Хенкинса, извещавшего, что он наконец едет вместе с Филом Хоуксом к Олдмонту, оторвал О'Брайена от «увлекательной» телевизионной передачи — демонстрировались отрывки из старинной тайландской драмы во всем ее многообразии: сиамский танец, лакон, ликэ, кон и театр теней — нанг.

Олдмонт отыскал домашнюю аптечку своих хозяев и кое-как перевязал правую руку, заодно проглотил несколько болеутоляющих таблеток и запил их первосортным виски, которое непьющие хозяева держали специально для него. Не совсем твердо держась на ногах, он все же обследовал весь дом. Стекло в кухонном окне было выдавлено бандитами. С улицы было видно, что свет горит только на втором этаже, но они все же обшарили комнаты. Олдмонт пощелкал выключателями, одна из пробок сгорела из-за короткого замыкания, которое он устроил, сорвав провод со стены, поэтому свет зажегся только на кухне и в прихожей. Возле лестницы, ведущей на второй этаж, были рассыпаны еще теплые гильзы. Видимо, надо вызвать полицию, иначе он навлечет серьезные неприятности на своих милых хозяев, которые должны вернуться со дня на день. Но полицейские вряд ли поверят Олдмонту, что он всего лишь невинная жертва преступников, трупы будут свидетельствовать против него. Во всяком случае, до выяснения всех обстоятельств дела его заберут в полицию, и тогда он наверняка окажется в руках ЦРУ. И уже не он будет разговаривать с Хенкинсом, а Хенкинс с ним. А ведь он во что бы то ни стало должен рассчитаться с убийцей своего брата.

Несмотря на изрядную дозу виски, он почувствовал слабость и вынужден был опуститься в плетеную качалку, пылившуюся в прихожей. Откуда Тираут узнал его адрес? Только сейчас эта мысль пришла ему в голову. Значит,

Окончание. См. «Огонек» №№ 39—44.

Обстоятельства смерти господина Н

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЦРУ его выследило. Он не мог предположить, что Тирают решил убить его по собственной инициативе. Он, правда, что-то сказал насчет нанесенного ему оскорбления, но в мире, в котором жил Тирают, добывать сведения, угрожая пистолетом, обычная вещь. На это грех обижаться. Больше ничего плохого Олдмонт ему не сделал.

Тираута послали люди О'Брайена. Это очевидно. Тирают никогда и не переставал работать на ЦРУ. Неужели он обманул Олдмонта, назвав не того человека убийцей Линна? Олдмонт вспомнил его испуганные глаза, дрожащие руки. Нет, Тирают не был таким смельчаком, чтобы лгать на пороге смерти. Тем более что сам Олдмонт тоже подозревал Дуайта Хенкинса. Линн еще при первой встрече, рассказывая о странных рейсах, которые ему приходится совершать в джунгли, показал фотографию: рядом с Олдмонтом-младшим стоял Дуайт Хенкинс, он неизменно сопровождал грузы непонятного назначения.

То, что рассказал Тирают об обстоятельствах смерти Линна, было слишком похоже на правду. Хенкинс убил троих героиновых курьеров, которые сдали ему большой груз — все, что притащил длинный караван. Хенкинс предпочел расплатиться с ними не долларами, а свинцом. Тут же Хенкинс пристрелил какого-то вьетnamца, за которым послал Тираута в ближайшую деревню. Партнерам по героинovому бизнесу Хенкинс собирался объяснить все внезапным нападением вьетконговцев на курьеров. Но отошедший далеко от самолета Линн Олдмонт бросился на звук выстрелов, он, верно, подумал, что Хенкинс попал в ловушку,

устроенную партизанами. Уже на его глазах Хенкинс добивал вьетnamца-крестьянина. Линн сказал Хенкинсу, что обо всем сообщит командованию. Когда он повернулся спиной к цэрушнику, тот выстрелил ему в спину.

Разве самому Нэду не были смешны всякие разговоры о мести? Ничего хорошего не выходит, если ты сам решаешь творить суд и правду. Бессмысленное кровопролитие, вот и все. Справедливости все равно не восстановить. Да и кому мстить? Подонку Хенкинсу? А разве кто-то другой из «зверей», как они называли оперативников ЦРУ, поступил бы поининому? Олдмонт был с ними в приятельских отношениях, пил с ними пиво в посольской столовой и считал их, в сущности, неплохими ребятами. Тем более что делали они одно дело. Даже если Олдмону что-то не нравилось, разве он отказывался им помогать? В том же Таиланде он немало поработал на ЦРУ. Он отлично знал, сколько мерзостей творят сотрудники управления, но всегда молчал. Он знал и о героиновых операциях. Сам вместе с коллегами по АНБ установил на одной из баз американских ВВС систему радиоэлектронного прослушивания переговоров в «золотом треугольнике», чтобы убийца его брата Хенкинс и другие знали маршруты всех караванов. Нэд сразу понял, чем заставили заниматься его младшего брата, но не сказал Линну всю правду. Сотни раз по ночам Нэд Олдмонт вновь и вновь обращался к событиям тех дней и искал себе оправдание. Ведь он же не мог представить себе, что события примут такой оборот. Ведь он же хотел убрать оттуда Линна, но не успел. Он уехал, подчиняясь приказу.

Память услужливо цеплялась за любой предлог, который мог бы оправдать Нэда в собственных глазах. Это продолжалось до тех пор, пока Олдмонт не понял: Линн погиб по его вине. Он мог спасти своего брата и не сделал этого. Ему вспомнились чьи-то слова: «В стремлении обмануть самого себя человек заготавливает для себя оправдательные ссылки на якобы проявленную им опрометчивость... Столь изощренно мы никого не обманываем, как самих себя, и никому так не льстим, как самим себе».

Нэд Олдмонт опять побрел в гостиную за спасительным виски. Но это универсальное лекарство не помогало. Не физическая рана мучила его, а душевная. Он приучил себя не обращать внимания на грязь и мерзость, которые окружали его, научился сосуществовать с ними. Пока все это не ударило его. Пока не убили Линна.

Сначала он просто горевал. Потом решил отомстить. Ему понадобились годы, чтобы подобраться к архивам того времени, надежно скрытым в хранилищах ЦРУ. Все, что относилось к полетам авиакомпании «Эйр опиум», держалось в таком же секрете, как и детали государственных переворотов и убийств, совершенных ЦРУ.

Ни одной минуты он не колебался: отомстить должен он сам. Попытки привлечь к суду Хенкинса обречены. И не потому, что никто не поверит в способность сотрудника ЦРУ совершить такое грязное убийство. У него нет свидетелей. Тирают был единственным, но он никогда не дожился до суда и не сказал бы правду.

Удивительно, что он вообще сумел добраться до истины. Если бы не одна случайность, ему вовек не узнать...

Но теперь мысли о мести начала казаться ему абсурдной. Кому мстить? Ведь он сам виновен в смерти брата...

За окном мягко прошелестели шины, машина остановилась возле дома. Полиция? Он осторожно подобрался к окну. Удивительно, что никто из соседей не вызвал патруль. Из машины вылез Фил Хоукс. Когда он открыл дверцу, в салоне вспыхнул свет, и в водителе Олдмонт узнал Дуайта Хенкинса.

Появление Хенкинса было для Хоукса неожиданным. Сначала он наотрез отказался ехать.

— В конце концов Олдмонт должен быть заинтересован в получении денег по страховому полису. Это смешно, — возмущался Фил Хоукс. — Наш долг — оповестить клиента, но не бегать за ним.

Неприятные воспоминания о том, как ему пришлось дважды напрасно ждать Олдмонта, начисто отбили у него охоту иметь дело с таким человеком. Он уже заказал билет, а документы, относящиеся к Олдмону, собирался попросту оставить в почтовом агентстве, где Олдмонт хотя бы иногда бывает. Дальнейшее — его дело, — разгорячившийся Хоукс чуть не кричал на Хенкинса, словно тот втащил его в эту дурацкую историю.

Дуайту Хенкинсу понадобилось не менее получаса, чтобы уговорить Хоукса предпринять последнюю попытку. Высадив Фила у дверей дома, где обитал Олдмонт, Хенкинс отъехал немного в сторону, и из телефона-автомата позвонил О'Брайену. Хенкинс нашел его дома. О'Брайен и здесь смотрел телевизор. Группа молодых девушек в ярких платьях, оставляющих открытыми левое плечо и руку, исполняла танец, традиционный для северного Таиланда. Безупречная прическа украшена венком из белого жасмина. На четырех пальцах каждой руки длинные искусственные ногти, движения рук — самое прекрасное в этом танце. Иногда его исполняют с зажженными свечами, под мелодичное хоровое пение.

— А что делать мне, Говард? — спросил Хенкинс.

— Ждать Хоукса, — неторопливо ответил О'Брайен, — когда он выйдет, отвезти в «Амбасадор». Позаботиться о том, чтобы он исчез из Таиланда как можно быстрее. Билет он уже купил?

— Да, как будто, — неуверенно подтвердил Хенкинс, — а не стоит ли мне...

О'Брайен откашлялся.

— Дуайт, я что, с годами утратил способность четко выражать свои мысли?

Вполне в духе О'Брайена, раздраженно подумал Хенкинс, таким образом осадить подчиненного. Это его любимое выражение: «Говорить надо не так, чтобы вас можно было понять, а так, чтобы вас нельзя было не понять».

Фил Хоукс изумленно уставился на перевязанную правую руку Олдмонта. До него даже не сразу дошло, что в левой Олдмонт держит пистолет.

— Вы плохо себя чувствуете? Вы больны? — не успев договорить, Хоукс почувствовал нелепость своих вопросов.

Если бы у Олдмонта были силы, он бы усмехнулся. Пропуская Хоукса, он сделал шаг в сторону, держа гостя под прицелом, и кивком указал на кресло. Сам опустился в калалку. Пистолет положил на колени.

— Я слушаю вас, — сказал он.

Когда ошеломленный таким приемом Хоукс стал распаковывать сверток с бумагами, пистолет опять оказался у Олдмонта в руке.

— Нет, нет, — жалко усмехнулся Хоукс. Он почувствовал, что весь взмок, во рту стало сухо, — здесь нет оружия.

Он поскорее вытащил документы, чтобы Олдмонт убедился: у него с собой только безвредные листки бумаги, которые решительно никому не могут причинить зла. Хоукс навсегда зарекся братья за такие поручения. В горле у него стоял комок, и он не мог никакими силами заставить себя разжать челюсти. Он молча протянул Олдмону пачку документов. Черный зрачок пистолета гипнотизировал его. «Неужели притворяется?» — думал Олдмонт.

Но так играть может только искусный актер. Парень вел себя странно, он явно был напуган, его поведение не укладывалось в схему, которую Олдмонт себе нарисовал. Недоумевая не меньше Хоукса, он, опять отложив пистолет, взял документы левой рукой.

Это произошло вскоре после реорганизации Совета национальной безопасности, да и в конечном счете в результате этого.

К Олдмону, занимавшему пост начальника отдела, заглянул самый старый из его сотрудников; после долгих размышлений он собрался на пенсию. С сожалением оторвавшись от дел, Олдмонт согласился потолковать с ветераном.

То, что он услышал, показалось совершенно неправдоподобным. Однако доказательством были толстые пачки с записью полученных сведений. Оставшись один, Олдмонт разобрался в этой кипе и убедился, что его сотрудник был прав. Местная служба Агентства национальной безопасности случайно перехватывала внутреннюю глубоко секретную информацию ЦРУ; пост электронного прослушивания «считывал мысли» с компьютерной памяти, поскольку в сфере его действия оказалась одна из ЭВМ ЦРУ. Тогда они еще только начинали эксперименты по «подслушиванию» компьютеров. Этот случай подтверждал перспективность дальнейших разработок.

Первым побуждением Олдмонта было доложить начальству, что пост электронного прослушивания надо переориентировать на другие объекты, но одна бумага привлекла его внимание. Он заметил свою фамилию. Это была шифротелеграмма в Лэнгли: «Работника АНБ Нэда Олдмонта предлагается в дальнейшем не командировать в Таиланд. В связи с некоторыми обстоятельствами смерти его родственника (Линн Олдмонт, лейтенант ВВС, см. наши телеграммы N2N2...) может представить определенную опасность для работы местного аппарата управления».

Телеграмма как громом поразила Олдмонта. Утихшее было горе опять напомнило о себе и больше не отпускало. Значит, предчувствие не обмануло Олдмонта, что-то неладное произошло в тот день, когда Линн, как ему сказали, погиб от пули вьетнамского партизана.

Олдмонт не сообщил начальству, что АНБ подслушивает компьютерную систему ЦРУ, а попросил освободить его от должности начальника отдела, ссылаясь на нездоровье, и занял место ушедшего на пенсию сотрудника, который первым обнаружил это. Все, что неутомимая служба электронного перехвата выуживала из бездонной памяти компьютера, оседало в столе Олдмонта. Это была лишь тонкая струйка в безбрежном океане информации, поступавшей в АНБ, и Олдмонт, который проработал в агентстве больше двух десятков лет, знал, как утаить от чужих глаз то, что должно остаться его личным секретом.

После соответствующей президентской директивы и реорганизации Совета национальной безопасности Центральное разведывательное управление в неограниченных масштабах занялось слежкой за «подозрительными» американцами. К этой работе подключили АНБ, по иронии судьбы в разряд подслушиваемых попал и компьютер ЦРУ.

АНБ всегда этим занималось. В течение тридцати лет агентство с помощью ФБР получало копии всех телеграмм, отправляемых и получаемых американскими компаниями. Просматривались все международные телеграммы. Олдмонт косвенно участвовал вместе с сотрудниками своей секции в проводимой с июля 1969 года программе «Минарет»: прослушивание телефонных разговоров лиц, чьи политические убеждения «беспокоили» ЦРУ и ФБР. Речь шла о коммунистах и прочих левых. Во время осуществления операции «Хаос» ЦРУ представило АНБ список лиц, которых следовало держать под электронным колпаком. Задачу, поставленную Белым домом, спецслужбы не выполнили: никаких следов «иностранных денег», поступающих якобы борцам за гражданские права в США, обнаружить не удалось. Но досье, собранные на многие тысячи американцев, легли в архивы ЦРУ и ФБР. Следить за «подозреваемыми» АНБ помогали четыре американские телеграфно-телефонные компании, прослушивание телефонов и перехват телеграмм не составило сотрудникам

агентства особого труда. Эта деятельность спецслужб санкционировалась последовательно сменявшими друг друга президентами США. По просьбе государственного секретаря стали прослушиваться служебные телефоны всех служащих государственного департамента. По указанию помощника президента магнитофоны были подключены к коммутатору Белого дома, его интересовали телефонные разговоры собственных подчиненных в аппарате Совета национальной безопасности. Новая техника позволила подслушивать еще более широкие слои американцев. Но на сей раз были приняты все меры для того, чтобы не допустить утечки информации. Директор Федерального бюро расследований был подчинен директору ЦРУ, который по должности является главой разведки в целом. Если раньше сотрудники ЦРУ, чья сфера действий по закону 1947 года — заграничные операции, действовали внутри страны с оглядкой, то теперь они получили карт-бланш на шпионаж за американцами. На всякий случай министра юстиции вывели из созданной в рамках Совета национальной безопасности межведомственной группы по разведке. Министр юстиции отвечает за соблюдение законности, следовательно, ему там нечего делать.

Несколько лет Нэд Олдмонт вел свое маленькое расследование. К его глубокому сожалению, из компьютера ЦРУ ничего больше не удалось вытянуть относительно смерти брата. Зато он узнал многое другое, в частности детали провалившейся операции «Лазарус» и план новой террористической акции, на которую в Лэнгли возлагали немалые надежды; ее результаты должны были сказаться на политической обстановке в Юго-Восточной Азии в целом.

Таких операций немало было на счету ЦРУ, некоторые из них удавались, большинство нет, но неудачи Лэнгли не смущали: вместо провалившихся агентов готовили новых, благо в деньгах и оружии ЦРУ недостатка не испытывало.

Провалов у ЦРУ было значительно больше, чем удач. Кому-кому, а Олдмону это было хорошо известно. В Форт-Миде не без злорадства наблюдали, как бесславно заканчивались тщательно подготовленные операции, которые дорого обходились американскому налогоплательщику. Широкая публика о большинстве таких провалов и не подозревала. Мощный пропагандистский аппарат годами создавал Центральному разведывательному управлению рекламный образ всемогущей организации. Но профессионалы знали истинную цену этому дутому всевластию.

Олдмонт не испытывал злорадства, получая сведения об очередном «проколе» агентов Лэнгли. Не только потому, что не менее бесславно заканчивались и, казалось бы, хорошо продуманные операции самого Агентства национальной безопасности, где он столько лет проработал. Позорно провалилась и акция ЦРУ — засылка южнокорейского шпионского самолета в советское воздушное пространство.

Чем дальше, тем больше Олдмонт понимал, что провалы и поражения не остановят Центральное разведывательное управление США и его покровителей. Ни залив Кочинос, ни Вьетнам ничему не научили Лэнгли, где по-прежнему делали ставку на государственные перевороты и политические убийства. ЦРУ — неотъемлемый элемент американской внешней политики, и в Вашингтоне не могут обойтись без подрывных акций, совершаемых оперативниками, ибо террор осуществляется во имя глобальных целей Белого дома. И подобно тому, как терпит неудачу американская политика «с позиции силы», рушатся и амбициозные планы специальных служб.

В Индокитае, Эфиопии, Афганистане, Иране, Никарагуа ЦРУ не удалось повернуть колесо истории вспять. Да и удачные операции ЦРУ, по существу, приносили лишь временный успех. Но в Лэнгли, торопясь перечеркнуть растуший список провалов, лихорадочно разрабатывали все новые и новые операции. Олдмону руководители ЦРУ представлялись в роли пожарных, которые появляются, когда пламя охватило уже весь дом. Влиять на судьбы стран и народов с помощью террористов из директората операций — заранее обреченная затея. Каждая акция ЦРУ влекла за собой

человеческие жертвы. Его личная трагедия — смерть брата — заставила Олдмонта задуматься.

Олдмонт сознавал, что обширные планы ЦРУ означают гибель многих людей. Он не хотел, чтобы по приказу из Лэнгли опять текла кровь, и был полон решимости сорвать новую операцию. Стремясь предотвратить еще одно преступление, перед отъездом в Таиланд Олдмонт послал анонимное письмо организаторам намечающейся акции.

Олдмонт раскрыл конверт, который Хоукс положил сверху. В нем было свидетельство о смерти Лилиан Олдмонт и снимки, сделанные на месте аварии.

Хенкинс, которого била дрожь, нашарил в кармане монету и пошел звонить О'Брайену. Резидент ждал его звонка.

— Ну, как у вас дела? — осведомился он.

— Все это слишком долго тянется, Говард, — пожаловался Хенкинс. — Совершенно не представляю, что там происходит. Не напрасно ли мы теряем время? Такого благоприятного случая может больше не представиться.

Теперь по телевизору показывали лаконичное драматическое действие, где мужские роли исполняются женщинами. Сюжет, насколько понял О'Брайен, незамысловат, некая романтическая история, напоминающая «Ромео и Джульетту». За лаконичным последовал ликз, где актеры произносят диалоги в стихах. Зачем, спрашивается, все это было нужно О'Брайену? Ликз обычно исполняют в буддийских храмах, но иногда такие представления показывают в домах бангкокской верхушки, куда приглашают и сотрудников американского посольства. И хотя О'Брайен с трудом отличал кларнет от флейты, а гобой от валторны и был абсолютно равнодушен к серьезной музыке, да и к театру, он бы не хотел на людях спутать актеров ликза в роскошных костюмах, расшитых золотом и серебром, с исполнителями ролей в театре кон, которые носят маски. Таиландской элите должно было льстить, что представитель далекой Америки разбирается в их национальном искусстве.

— Ждите, Дуайт.

О'Брайен повесил трубку.

Наблюдая за Олдмонтом, Фил Хоукс не заметил и следа душевных потрясений, которые испытал Нэд, когда из конверта выпала фотография его ушедшей из жизни жены. По мнению Хоукса, Олдмонт спокойно перенес обрушившееся на него трагическое известие. Он просмотрел все фотографии, но бумаги читать не стал. Хоукс произнес несколько подбабляющих фраз и перешел к тому, ради чего он проделал столь далекий путь. Он принялся знакомить Олдмонта с условиями завещания. Когда он спросил что-то у Олдмонта, тот не ответил. Олдмонт откинулся на спинку кресла, руки бессильно лежали на коленях, в левой судорожно сжата фотография Лилиан.

— Вы слышите меня?

Он осторожно дотронулся до колена Олдмонта. Тот не шевельнулся.

Хенкинс, собственно говоря, так и не понял, что же произошло между Олдмонтом и Хоуксом. Позднее он пытался расспрашивать Фила, но тот до самой гостиницы мычал что-то невразумительное.

Когда Хоукс с криком выбежал из дома, Хенкинс заподозрил совсем другое. Он подошел к двери с пистолетом наготове, толкнул ее ногой и, пригнувшись, ворвался в дом. Он сразу увидел качалку и в ней неподвижную фигуру. Все еще не понимая, в чем дело, он подошел поближе. Безжизненные глаза Олдмонта успокоили его. Хенкинс поставил пистолет на предохранитель и спрятал его в наплечную кобуру. На всякий случай пощупал запястье Олдмонта и со спокойной душой вышел из дома. Дверь закрывать не стал, потому что был без перчаток.

Он отвез Хоукса в отель и оставил одного в номере. Молодой человек был явно не в себе, и разговаривать с ним было невозможно. Впрочем, теперь он и не интересовал Хенкинса.

О'Брайену он позвонил только из дома. Он понимал, что резидент нервничает, ожидая звонка, но не спешил успокоить его.

Весь этот день О'Брайен был в большом напряжении, ему следовало немного поды-

шать на ночь свежим воздухом — только это соображение заставило его выйти в сад, который он вообще-то недолюбливал. Гулять здесь можно было только по дорожкам, не приближаясь к ограде. Сад, окружавший дома американцев, был напичкан электроникой. Микроволновые детекторы подавали сигнал тревоги, если улавливали постороннее движение или странные звуки поблизости от проволочной ограды. На пульте охраны вспыхивала красная лампочка, если кто-то пересекал невидимые лазерные лучи, испускаемые неприметными на первый взгляд установками вдоль внешней ограды. Телевизионные камеры контролировали подходы к резиденции. Морские пехотинцы, которые ее охраняли, пользовались инфракрасными приборами ночного видения. Многочисленные сотрудники одного из крупнейших американских посольств (двадцать четыре отдела посольства занимались не только самим Таиландом, но и соседними странами, особенно Вьетнамом и Кампучией) чувствовали себя не слишком спокойно.

Теперь О'Брайену предстояло успокоить сотрудников директрата операций, которым мешал Олдмонт. Кстати, только теперь он вспомнил, почему эта фамилия казалась ему знакомой. Однофамилец или родственник Нэда Олдмонта был пилотом «Эйр Америка» и постоянно лез не в свои дела, мешал героическим сделкам. О'Брайен разрешил Хенкинсу в случае необходимости убрать того Олдмонта. Хенкинс воспользовался разрешением.

— Им придется прыгать с парашютами, — сказал Уилсон. — Они еще не забыли, как это делается?

Дэвис отрицательно покачал головой.

— Я летал на базу смотреть, как у них идет подготовка накануне дня святого Михаила, который считается покровителем парашютистов. При мне все четверо по два раза прыгнули с малой высоты, и вполне прилично. Я уверен, что все пройдет как по маслу. Они во сто раз лучше подготовлены, чем участники операции «Лазарус».

— Смотри не сглазь, — скривился Грег Уилсон.

Дэвис раздраженно отмахнулся.

— Скажи мне лучше, — спросил он, — неужели ты был уверен, что известие о смерти жены явится таким тяжелым ударом для господина Нэ?

Уилсон ответил не сразу.

— По правде говоря, я полагал, что он покончит с собой, узнав о дорожной катастрофе, о которой ему должен был поведать Хоукс из страхового агентства. Жена, несмотря на разладившуюся семейную жизнь, была для него самым близким человеком. Во всяком случае, такой вывод можно было сделать, заглянув в его досье и побеседовав с компьютером. Но, ко всему прочему, он был еще и тяжелый сердечник, о чем сам не подозревал. Врачи всегда смягчали диагноз. Нервные потрясения, пережитые им в Таиланде, все равно должны были свести его в могилу. Это я тоже принимал в расчет. В досье состояние его здоровья отражено объективно. Теперь, слава богу, мало кто из американцев может что-то от нас утаить.

— Да, я помню его письма к ней, которые Лилиан принесла нам, — сказал Дэвис. — Я, честно говоря, не думал, что она согласится позировать в роли трупа.

— С технической точки зрения это нетрудно, — заметил Уилсон. — Немного грима и элементарный фотомонтаж. В разбитую машину мы положили куклу.

— Но все-таки это был ее муж.

— Лилиан Олдмонт пятнадцать лет работает на нас. Принимала участие в операции «Халос», у нее хорошие знакомства в студенческих и научных кругах. А Нэд Олдмонт всегда был для нее чужим человеком.

Уилсон посмотрел на часы. Операция уже началась. Он широким жестом смахнул в ящик стола телеграмму, полученную час назад из Бангкока.

«Лэнгли. Молния! Только в руки офицера! Директорат операций. Уилсону.

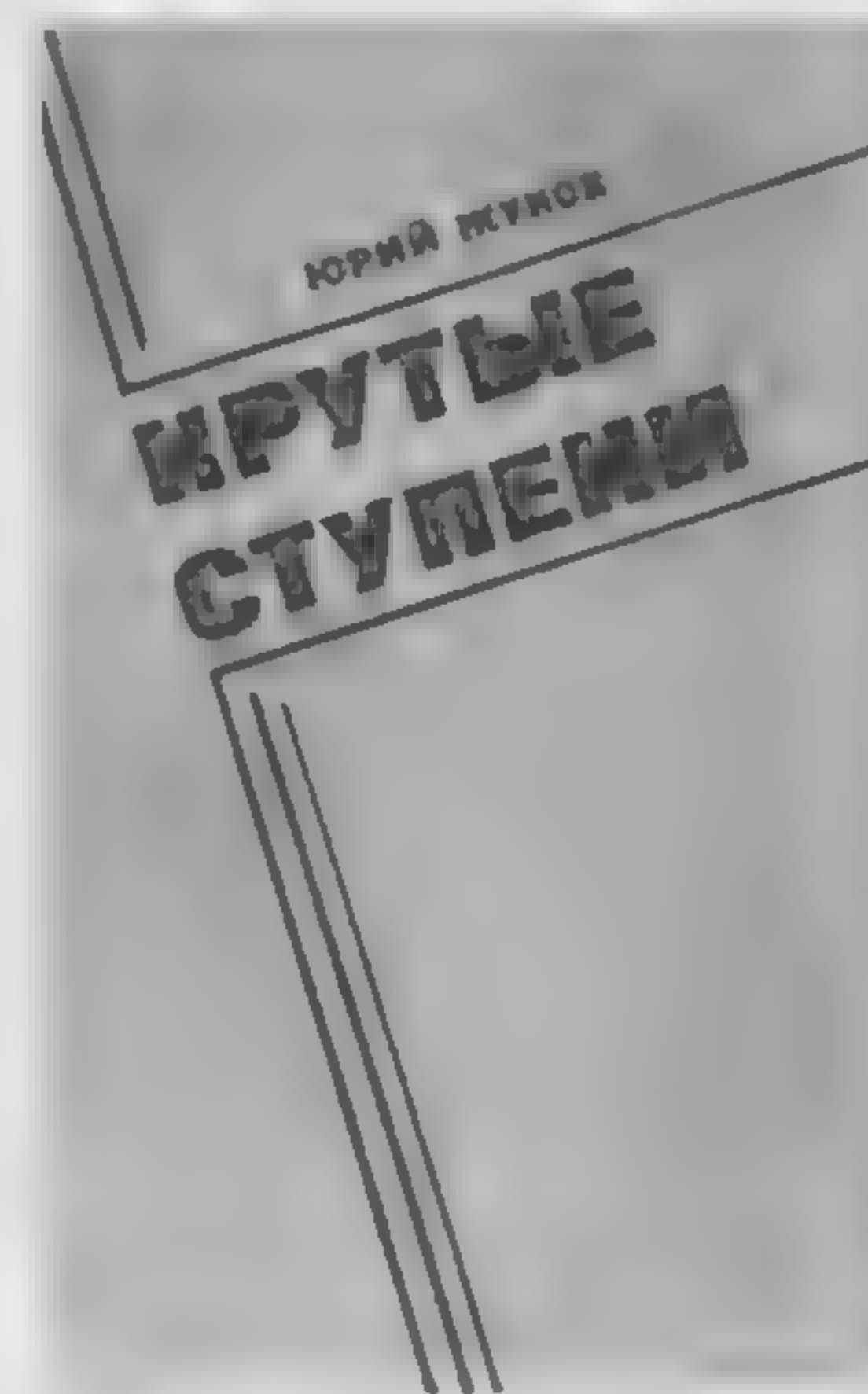
Господин Нэ скончался от сердечного приступа. Бумаги покойного высылаю дипломатической почтой установленным порядком. О'Брайен».

ПАМЯТЬ, ОБРАЩЕННАЯ В БУДУЩЕЕ

«Крутые ступени» — новая книга известного советского публициста Юрия Жукова. А жанр ее автор определил так: «Записки журналиста». Журналистские блокноты и дневниковые записи, которые молодой корреспондент сначала «Луганской правды», потом «Комсомольской правды» Юрий Жуков вел по горячим следам событий и встреч с их участниками, вообрали в себя ярчайшие приметы времени. Обращаясь к читателям, обильно и целенаправленно цитируя сообщения ТАСС, отрывки из статей, бесед, автор показывает, как и в «громкие дела» и в делах скромных зрел облики индустриального будущего страны, формировался советский характер. Казалось бы, внешнее мозаичное построение книги: цитаты, комментарии, авторские отступления — при прочтении обретает внутреннюю логику. Ибо событийная мозаика — это те штрихи, которые дополняют портрет героического поколения 30—40-х годов, а комментарии нашего современника, яркого и страстного публициста, сближают дни вчерашний и сегодняшний.

Ю. Жуков доверяет читателю, ведя с ним прямой, искренний диалог, но при этом стремится раскрыть ему глубинную суть явлений, ставших сегодня привычными, особенно для молодежи; раскрыть не только материальную, но и духовную цену достигнутого страной благосостояния. Поймут ли молодые восьмидесятых, каким событием стала продажа с 1 января 1935 года хлеба без карточек? Первые советские экскаваторы, радиолампы, турбины, грузовики... Поймут ли колоссальную значимость этих событий те, кто и радиолампу-то, например, не застал? И автор еще и еще крепит пером нить, связующую вчера и сегодня страны, во имя, в заботе о нравственном багаже тех, кому созидать наше завтра.

Книга автобиографична, но не только участие самого автора в описываемых событиях определяет эту ее черту. Мы находим

в ней и истоки творческой биографии Юрия Жукова. Вот заметки о международной обстановке, предшествующей войне, — и читатель может наблюдать, как складывался стиль замечательного публициста-международника, автора книг «Чилийский дневник», «33 визы» и многих других.

Тревожны и драматичны страницы, посвященные о начале войны, — этим событиям посвящена вторая часть книги. Закономерной воспринимается уверенность советских людей, закаливших свои характеры в трудовом горниле первых пятилеток, в победе над врагом. Социальный оптимизм — вот внутренний стержень глав о ратных испытаниях, выпавших на долю нашего народа.

Заканчивая книгу, автор процитировал определение, которое в словаре Даля дано памяти внутренней, памяти сердца: «Разумное понимание связи узанного, усвоенное себе навсегда духовных и нравственных истин». Новая работа ветерана нашей прессы, безусловно, пополнит нравственный багаж юных, затронет сокровенное в душах и сердцах поколений первооткрывателей. И еще: эта книга не только воспоминания — она предельно актуальна, ибо обращена в будущее. Ведь память, не обращенная в будущее, потухнет, как покиннутый костер.

Андрей КОМАРОВ

Жуков Ю. А. Крутые ступени. Записки журналиста. М. Мысль, 1983. 382 с.

В. Клоков выполняет первое движение — рывок.

Фото А. БОЧИНИНА

ЛАВИНА РЕКОРДНЫХ КИЛОГРАММОВ

В этом спорте все решают килограммы — и категорию, в которой может выступить спортсмен, и его победу. Килограммы! Что может быть прозаичнее? А свидетелями таких эмоций, всплесков бурных страстей, бушевавших под сводами олимпийского Дворца спорта «Измайлово», стали зрители чемпионата мира по тяжелой атлетике! 10 дней продолжался спор богатырей десяти весовых категорий, и ни один день не проходил

без сенсаций, побед над слепой силой тяжести.

По традиции борьбу начали «могучие малыши» — атлеты весовой категории до 52 килограммов, а завершили ее штангисты весом свыше 110 килограммов. И если первую золотую медаль завоевал молодой болгарский штангист Н. Терзийский, то последняя медаль была вручена советскому спортсмену А. Писаренко, в третий раз завоевавшему мировое первенство.

И это определило соотношение сил: главный спор вели спортсмены двух стран — СССР и Болгарии.

Среди 10 чемпионов мира — шесть советских спортсменов, три болгарских и один штангист из ГДР. Если к этому прибавить, что болгары завоевали еще и четыре серебряные медали и три бронзовые, установив ряд рекордов и в отдельных движениях и в сумме, то надо признать, что тяжелая атлетика стала в Болгарии поисти-

не коронным спортом. Ну, а наш вклад в общую штангистскую копилку поистине огромный и по весу поднятых рекордных килограммов и по блестящей технике исполнения. О. Мирзоян, Ю. Саркисян, Ю. Варданян — великолепное трио, как и П. Кузнецов, В. Клоков и А. Писаренко, — все они стали обладателями новых мировых рекордов. Их было установлено за 10 дней — 23.

С. ПЕТРОВ

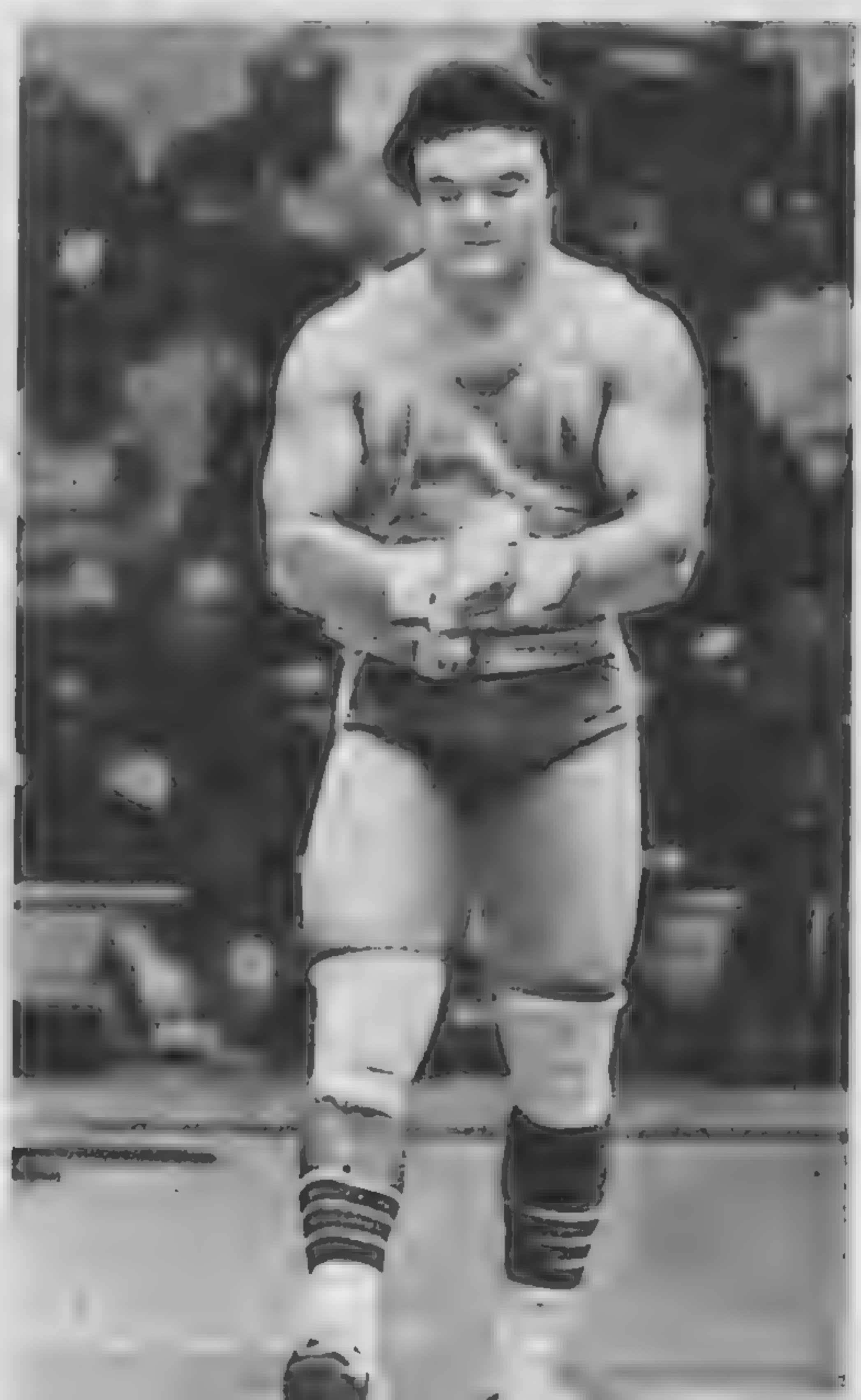
Юрик Саркисян празднует победу.

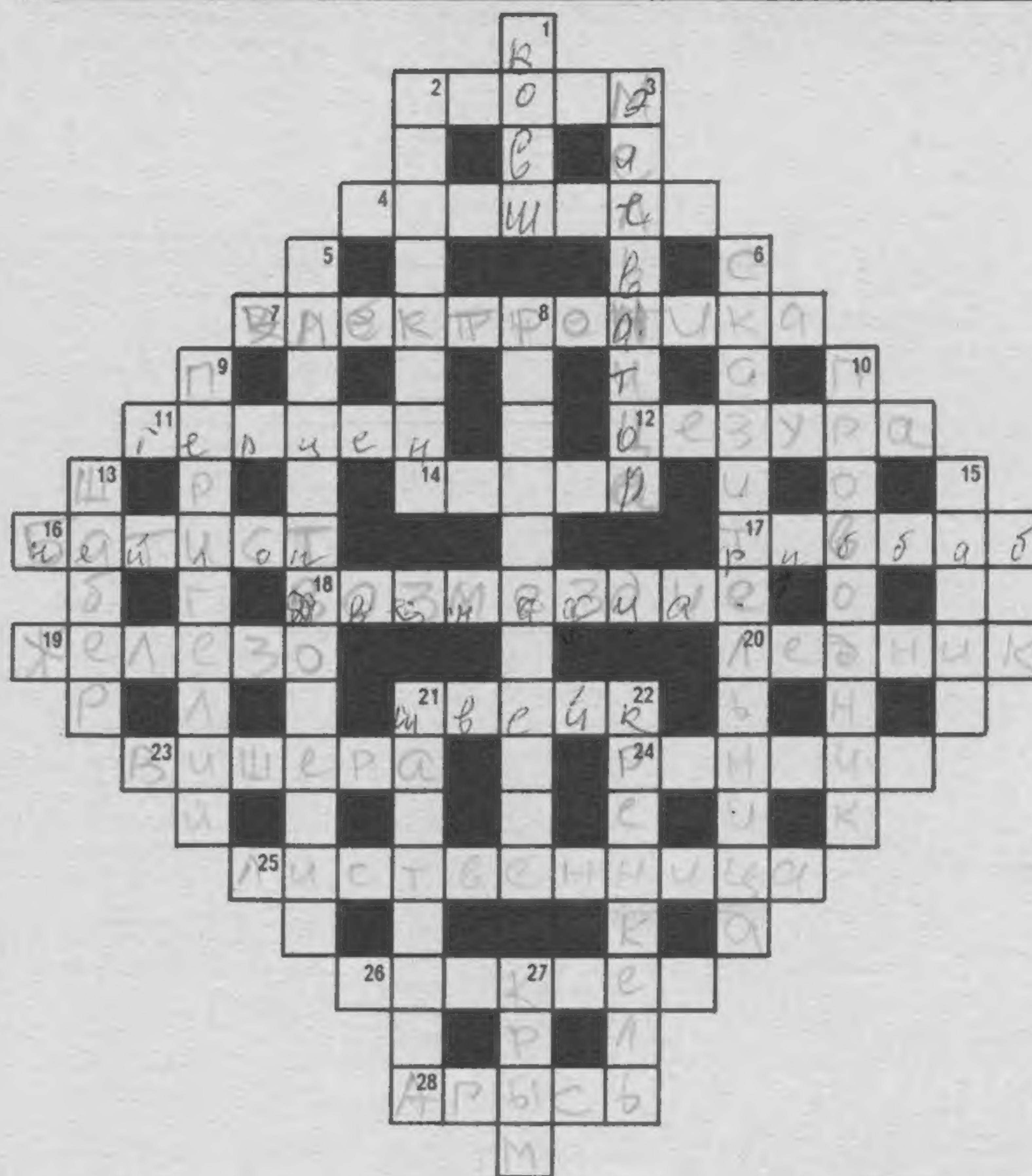
Победу в весовой категории до 67,5 килограмма завоевал спортсмен из ГДР И. Кунц.

Трехкратный чемпион мира болгарский штангист Б. Благоев.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Пьеса В. Н. Билль-Белоцерковского. 4. Грузинский советский поэт. 7. Наука о методах создания приборов и устройств для передачи, обработки, хранения информации. 11. Русский революционер, писатель, философ. 12. Обязательная пауза внутри стихотворной строки. 14. Порт в Японии. 16. Тонкая полупрозрачная ткань. 17. Вид таджикского барабана. 18. Поэма А. А. Блока. 19. Химический элемент, металл. 20. Глетчер. 21. Герой романа Я. Гашека. 23. Река, впадающая в Камское водохранилище. 24. Театральный художник, народный художник СССР. 25. Хвойное дерево. 26. Австрийский композитор-симфонист и педагог XIX века. 28. Река на юге Казахстана.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Рабочий орган землеройной машины. 2. Город в Белгородской области. 3. Предприятие по переработке зерна. 5. Вид метафоры. 6. Исполнительница произведений устного народного творчества. 8. Романс М. И. Глинки на слова Е. А. Баратынского. 9. Ближайшая к Солнцу точка орбиты планеты, обращаемой вокруг него. 10. Вещество, хорошо пропускающее электрический ток. 13. Инструмент для точной обработки поверхности детали. 15. Действующее лицо пьес М. Горького «Егор Булычов и другие» и «Достигаев и другие». 21. Картина Н. А. Касаткина. 22. Радист-полярник, Герой Советского Союза. 27. Полуостров на юге Украины.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Верстак. 6. Антонов. 9. Серпантин. 10. Рама. 12. Азот. 14. Белград. 16. Тыква. 17. Иллер. 18. Цадаса. 19. Баланс. 21. Слово. 22. Кашан. 24. Велебит. 27. Квас. 29. Бани. 30. Косметика. 31. Толстой. 32. Траверз.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Реферат. 2. Новатор. 4. Тиса. 5. Курбе. 6. Астра. 7. Тана. 8. Сайган. 11. Максанова. 13. Зеленушка. 14. Базаров. 15. Диалект. 20. Тренер. 21. Соколов. 23. Ноктюрн. 25. Эссе. 26. «Идиот». 28. Скат. 29. База.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: ОКТЯБРЬ. Художник Б. Шатохин.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: СОЛНЕЧНОЕ УТРО. Фотоэтиюд.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 17.10.83. Подписано к печати 01.11.83. А 00740. Формат 70×108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2684. Заказ № 1500.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

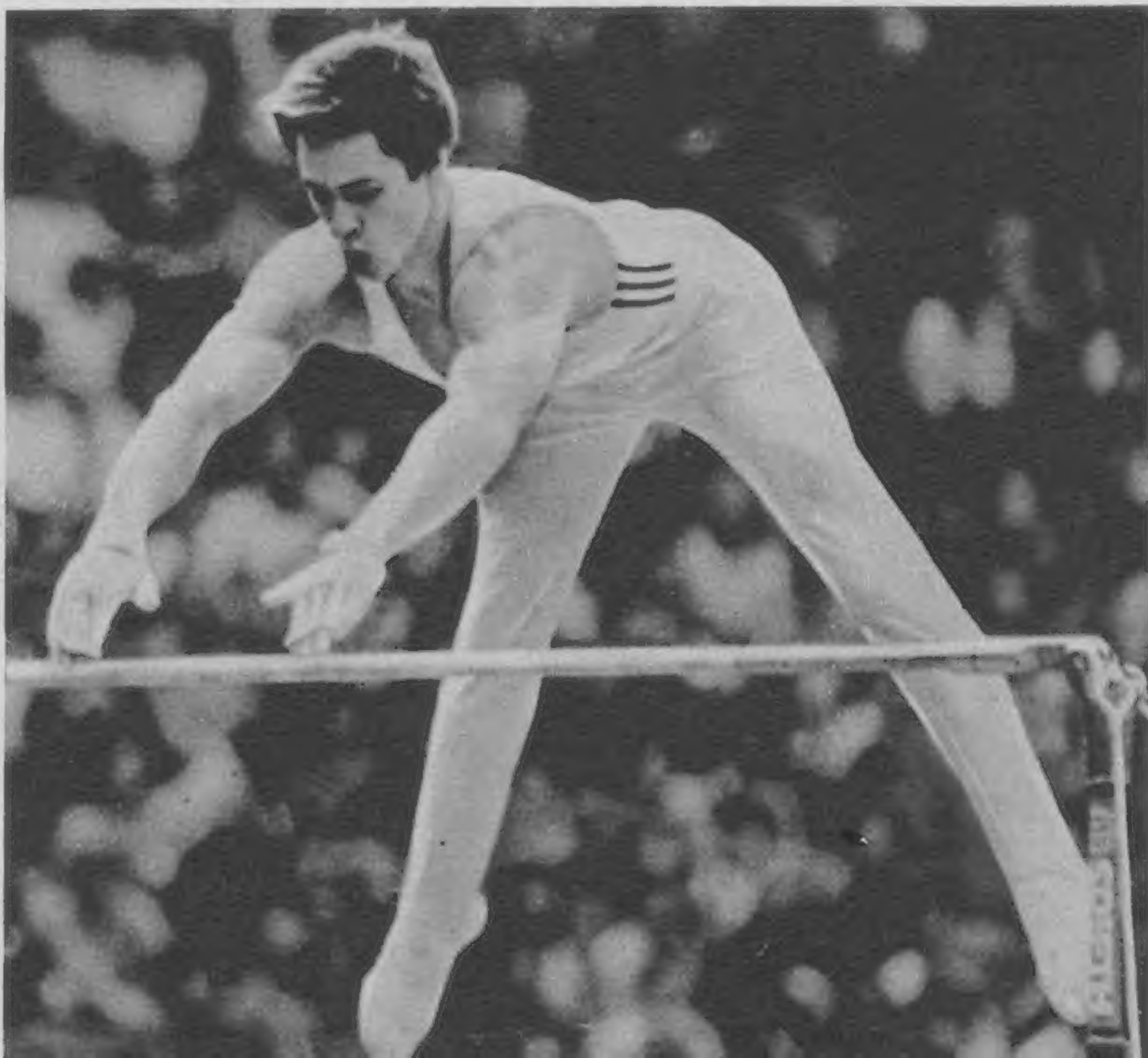

Наталья Юрченко, ростовская студентка, и московский школьник

Дмитрий Билозерчев впервые завоевали абсолютное первенство на чемпионате мира по гимнастике в Будапеште. Коронованные новички покорили всех своим мастерством, совершенством сложнейших гимнастических комбинаций.

Командное первенство у мужчин выиграли гимнасты КНР, у женщин — команда СССР.

Телефото МТИ — ТАСС

Поет Патрисия Андраде (Аргентина).

Л. ЛУКЬЯНОВА, фото И. ГАВРИЛОВА

— Каждый для себя решает сам, как он относится к тому, что происходит на Земле,— говорит Орлин Горанов, лауреат VIII международного молодежного фестиваля песни «Красная гвоздика», приехавший из Болгарии.— Сегодня расхожая фраза «Меня не интересует политика» звучит не просто нелепо, звучит преступно — впервые с момента зарождения цивилизации стала возможной всемирная катастрофа. Мир — это жизнь. Что может быть сейчас важнее!

...Шестнадцать лет, восемь фестивалей, в чем-то разных, в чем-то похожих — «Красная гвоздика» растет, набирает силу. Но не было еще, пожалуй, фестиваля, где с такой остротой встал бы вопрос: способны ли мы сегодня, собравшись всем миром, понять друг друга, что можем сделать, чтобы добрая воля помогла предотвратить войну, чтобы песни о людях, красоте, любви, жизни, звучали всегда.

Так уж получилось, что, не сговариваясь, каждый из участников этого музыкального праздника привез на конкурс песню о своей стране. Здесь на первый взгляд нет ничего удивительного — испокон веков самыми красивыми были песни о родном крае. Но в той настойчивости, с которой каждый певец убеждал нас в неповторимости и прелести отчей земли, увиделось знамение времени, ибо звучала в них тревога за судьбу мира, а значит, за судьбу и своего края.

С самого начала определилось так, что на «Красной гвоздике» выступают не эстрадные звезды, но, как правило, люди, своей жизнью доказавшие право петь песни выстраданные. Здесь поют о том, что кажется сегодня самым важным.

Три долгих конкурсных дня вместили много песен. О правде и лжи, горе и радости, любви, детях, нежности, счастье, справедливости, свободе пели участники фестиваля. Афганец Вахид Сабур, вьетнамка Ро Тян Фиенг, на-

мибиец Джексон Каужеуа, эквадорец Патрисисо Мантилья... Перед нами словно вращался земной шар, и мы видели реки, поля, долины, горы и понимали, что нет ничего прекраснее во всей вселенной. Земле Кипра, Лаоса, Японии, Португалии, Аргентины, Никарагуа и Финляндии — гимном всей нашей планете звучали эти песни.

Для Андреаса Брауэра, получившего первую премию фестиваля, Западный Берлин — место, где он родился и вырос, любимый город, полный противоречий, несбывшихся и сбывшихся надежд. Блюз «Западный Берлин», исполненный автором на конкурсе, имел огромный успех. Жестокая картина жизни современного капиталистического города, человеческих трагедий и радостей написана композитором ярко и полнокровно.

Брауэру 33 лет, он профессиональный музыкант, работал в оперном театре. «И все у меня складывалось вроде неплохо,— рассказывает Андреас.— Но однажды, это было в 1968 году, во время демонстрации у меня на глазах расстреляли товарища. После этого я ушел из театра и многое, очень многое пересмотрел. Я понял: все, что вокруг меня, — лишь частица целого, что жить, не давая оценки происходящему, попросту невозможно, ведь все, в сущности, в наших руках».

Гран-при фестиваля вручен молодому певцу из Уфы Радике Гарееву. Отличные вокальные данные, профессионализм, строгость сценической манеры — все эти качества, конечно, очень помогли ему в борьбе за главный приз. На репетициях Гареев выкладывался полностью и, может быть, поэтому на концертах волновался чуть меньше, чем остальные, — излишнее волнение, как известно, мешает... Но главное все же в ином — Гареев пел о том же, что и все остальные участники фестиваля, только ярче, искренней, глубже. Были в одной из его песен такие слова — «земля, Родина, любовь». Разве не об этом сложены все песни мира!..

Большой приз фестиваля у советского певца Радика Гареева.

«КРАСНА

Самые доброжелательные зрители...

Я ГВОЗДИКА»

Выступает Андреас Брауэр из Западного Берлина.

Всеми любимую «Катюшу» спел на конкурсе Вахид Сабури (Афганистан).

Председатель жюри Александра Николаевна Пахмутова.

Джексон Каужеуа приехал на фестиваль из Намибии.

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

